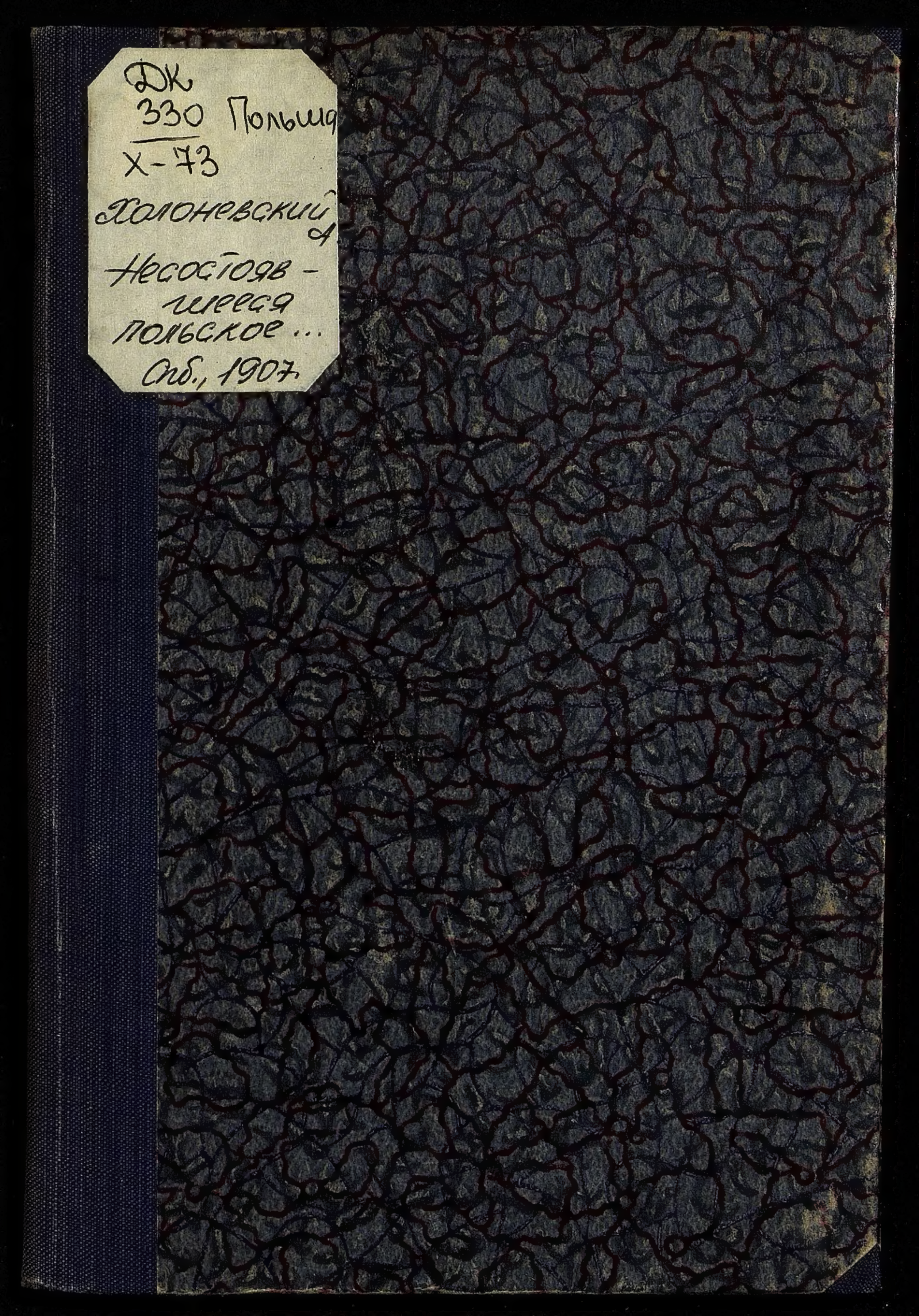

ДК
330 Польша
X-73
Холоневский А
Несостояв-
шееся
польское...
Спб., 1907.

А. Холоневскій

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ
ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ 1877 Г.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. ЕЛЕНИНА
1907

А. Холоневскій

Несостоявшееся
Польское возстаніе 1877 г.

Переводъ съ польскаго

С.-Петербургъ
Изданіе А. Еленина
1907

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13 

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ №№ 37—42 варшавскаго иллюстрированнаго еженедѣльника „Swiat" („Свѣтъ") за истекшій 1906 годъ появились, подъ заглавіемъ: „Niedoszłe powstanie polskie w. r. 1877" интересныя разоблаченія Антона Холоневскаго о попыткѣ поляковъ вызвать въ 1877 году новое возстаніе въ русской части Польши, пользуясь тѣмъ, что Россія въ это время занята была войной съ Турціей за освобожденіе славянъ Балканскаго полуострова. Авторъ названной статьи раскрываетъ предъ нами всѣ тайныя пружины организацій, взявшихъ на себя заботы о подготовленіи возстанія, и подробно излагаетъ всѣ перипетіи переговоровъ и сношеній руководителей движенія съ иностранными государствами, на которыя заговорщиками возлагались особенныя надежды. Статья г. Холоневскаго пред-

ставляетъ тѣмъ большій интересъ для русскаго читателя, что она впервые поднимаетъ завѣсу надъ нѣкоторыми деталями этого малоизвѣстнаго эпизода изъ исторіи польскаго революціоннаго движенія. Въ то же время она особенно поучительна и въ томъ отношеніи, что въ ней ярко обрисовываются черты психологіи поляковъ, съ конца XVIII вѣка жившихъ и воспитывавшихся въ атмосферѣ непрерывныхъ политическихъ интригъ, заговоровъ и возстаній.

Несостоявшееся польское возстаніе 1877 года.

I.

Съ половины XIX вѣка въ Польшѣ, въ особенности среди эмиграціи, таилась мысль о вооруженномъ возобновленіи польскаго вопроса въ связи съ традиціоннымъ турецко-русскимъ антагонизмомъ, который въ теченіе несполна столѣтія четыре раза разражался на Востокѣ Европы кровавой бурей. Съ побѣдоносной Турціей въ Варшаву! Эта мечта дремала въ душѣ двухъ поколѣній, побуждала къ дѣятельнымъ усиліямъ выдающіяся личности среди тогдашнихъ выходцевъ, вдохновила Садыка-пашу къ романтическимъ планамъ поднять казаковъ и, не уничтоженная горькой неудачей, которую приготовила польскимъ расчетамъ парижская конференція 1855 г., пережила и послѣднюю вооруженную попытку польскаго народа.

Крымская война не положила предѣла столкновенію противоположныхъ интересовъ на Востокѣ, и миръ поддерживался только обоюднымъ ослабленіемъ противниковъ. Сторонники того, чтобы польскій вопросъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ еще разъ былъ брошенъ на вѣсы военнаго счастія, уже видѣли въ близкой перспективѣ новый русско-турецкій конфликтъ и связывали съ нимъ не угасшія надежды—вновь поднять

знамя борьбы за независимость. Съ такимъ намѣреніемъ состоялась въ 1875 г. миссія высланнаго изъ Львова за границу Венедикта Рагозы, который долженъ былъ ознакомиться съ настроеніемъ умовъ и произвести попытку создать народно-революціонную организацію.

Молодой эмиссаръ, пойманный и содержавшійся въ заключеніи нѣсколько мѣсяцевъ, еле спасся и привезъ въ Галицію сообщеніе, что всѣ общественные слои въ Царствѣ Польскомъ не только не желаютъ никакихъ движеній, но въ случаѣ чего оказали бы энергичный тпоръ всякимъ попыткамъ вызвать это движеніе.

Не смущенная этой неудачей маленькая львовская группа не считала дѣла проиграннымъ: она рѣшила распространить свою идею медленно, главнымъ образомъ стараясь привлечь въ свою пользу простой народъ. Рагоза уѣхалъ въ Швейцарію и въ Бендликонѣ началъ издавать агитаціонный журналъ „Wici“, который долженъ былъ подготовить почву для новаго возстанія, бросая уже въ первомъ нумерѣ мысль возстановленія народной организаціи съ „краснымъ (т. е. повстанческимъ) знаменемъ во главѣ“. На этотъ разъ съ необычайно рѣшительнымъ протестомъ противъ этой дѣятельности выступила эмиграція, не исключая личностей, которыя въ іерархіи январьскаго возстанія занимали самыя высшія ступени. Точно также усилія Рагозы во Львовѣ вызвали энергичное противодѣйствіе, которое поддержалъ своимъ достойнымъ именемъ чтимый и всѣми уважаемый Ѳаддей Жулинскій. „Wici“, не найдя достаточной поддержки, послѣ шести мѣсяцевъ перестали издаваться, и дѣло казалось уничтоженнымъ въ зародышѣ.

Неудача эта однако оказалась вскорѣ призрачной и непрочной. Приближалась постепенно и все болѣе и

болѣе чувствовалась уже въ воздухѣ гроза новой турецкой войны, которая должна была вновь возбудить не угасшія еще надежды, на этотъ разъ въ болѣе широкихъ кругахъ, чѣмъ группа неудачника-эмиссара 1875 г.

Въ теченіе цѣлаго года странѣ угрожала опасность повстанческаго движенія: должны были повториться всѣ прежнія заблужденія и ошибки, должны были явиться неотвѣтственныя организаціи, узурпирующія для себя привиллегіи народной власти, должны были ожить расчеты на помощь иностранныхъ державъ, въ водоворотъ движенія должна была быть вовлечена извѣстная часть общества, слишкомъ ничтожная, чтобы совершить задуманное дѣло, однако достаточная для того, чтобы вызвать катастрофу, могущую залить страну кровью и покрыть развалинами.

Одновременно однако должно было обнаружиться что въ народѣ накопилась достаточная сумма горькаго опыта, чтобы подавить попытки новаго отчаяннаго шага. Взрывъ былъ предотвращенъ. Происшествія 1877 года представляются теперь, какъ полная побѣда патріотическаго благоразумія надъ порывомъ неудовлетвореннаго чувства, побѣда, исторія которой принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ, можно даже сказать, къ совершенно неизвѣстнымъ страницамъ польской жизни періода послѣ раздѣловъ.

II.

Когда послѣ низверженія съ престола султана Абдулъ-Азиса стало очевиднымъ, что Россія выступитъ враждебно противъ Турціи, сторонники вовлеченія польскаго вопроса въ водоворотъ ожидаемаго военнаго спора рѣшили приступить немедленно къ дѣлу.

Въ Львовѣ возникла мысль вновь завязать сношенія съ турецкимъ правительствомъ. Душой этого движенія

былъ Вячеславъ Володзько, эмигрантъ 1863 г., бывшій инженеръ турецкой службы, и писатель, извѣстный подъ именемъ Кощица, имѣвшій довѣреннаго посредника въ лицѣ Болеслава Гольца, проживавшаго въ Константинополѣ, инженера путей сообщенія и тоже эмигранта 1863 г. Первыя попытки сближенія не принесли опредѣленнаго результата, ибо какъ разъ въ это время вспыхнула сербская война, которая временно поглотила все вниманіе оттоманскаго правительства; и только послѣ заключенія побѣдоноснаго мира съ сербами въ сентябрѣ 1876 г., по низложеніи слабоумнаго Мурада и вступленіи на султанскій престолъ Абдулъ-Гамида, оттоманское правительство обратило вниманіе на предложенную ему комбинацію. Во главѣ правительства стоялъ самый выдающійся представитель турецкой военной партіи Мидхатъ-паша, неумолимый врагъ Россіи, стремившійся всѣми силами къ вооруженному съ ней столкновенію. Въ виду ожидавшагося разрыва вовлеченіе въ игру поляковъ представлялось турецкому правительству достойнымъ вниманія гороскопомъ. Уже въ первые дни по заключеніи мира съ Сербіей Мидхатъ призвалъ къ себѣ польскаго эмигранта 1848 г. Артуръ-бея (Циммермана), побудилъ его войти въ сношенія съ соотечественниками и въ общихъ выраженіяхъ обѣщалъ съ своей стороны стремленіямъ поляковъ матеріальную и нравственную поддержку. Донесеніе о своей аудіенціи у великаго визиря Циммерманъ отправилъ немедленно во Львовъ.

Здѣсь дѣло обсуждалось въ тѣсномъ кружкѣ, въ составъ котораго входили, кромѣ Кощица, между прочимъ Гиллеръ и Альфредъ Млоцкій. Составили временный отвѣтъ, заявлявшій о скоромъ отправленіи въ Стамбулъ обширнаго и подробнаго меморіала, редакцію котораго поручили Кощицу; въ то же время, основываясь на обѣщаніи содѣйствія со стороны Турціи, рѣшено

было приступить немедленно къ учрежденію организаціи, которой дано было названіе: „Конфедерація польскаго народа 1876 г.“. Дѣло, которое велось пока въ строгой тайнѣ, подвигалось впередъ быстро и энергично. Подъ конецъ сентября мѣсяца организація охватила уже болѣе увлекающіеся элементы всей Галиціи; сдѣлана была также попытка завязать сношенія съ Варшавой, куда отправился съ этой цѣлью извѣстный въ то время писатель Сабовскій, редакторъ „Dziennika Mód“ въ Краковѣ. Во главѣ всего движенія стоялъ „Генеральный совѣтъ конфедераціи польскаго народа“, короче называемый „Конфедераціоннымъ совѣтомъ“, или „Генералиціей“, съ временнымъ пребываніемъ во Львовѣ.

Въ составъ его входили преимущественно личности, не игравшія выдающейся роли въ общественной жизни. Кромѣ Кощица, въ немъ засѣдали: писатель Шумскій, Крукъ-Гейденрейхъ, бывшій генералъ 1863 г., въ то время желѣзнодорожный чиновникъ, Робертъ Тиме, ротмистръ возстанія 1863 г., чертежникъ галицкаго земскаго отдѣла, и купецъ Эдмундъ Ридль. Кромѣ того, черезъ кадры „генералиціи“ прошли и другіе конфедераты, по тому или другому случаю играя большую или меньшую роль, такъ какъ никакого обязательнаго статута или устава не имѣлось.

Главными дѣятелями и настоящими творцами организаціи были Кощицъ и Ѳеофилъ Шумскій. Этой высшей власти подчинялись „провинціальные совѣты“ въ трехъ частяхъ бывшей Польши: Галиціи, Познани и Царствѣ Польскомъ. Въ составъ галицкаго совѣта входили: директоръ банка Симонъ, гр. Артуръ Голуховскій, адвокатъ Семильскій, желѣзнодорожный инспекторъ бар. Гостковскій и портной Нѣмчиновскій, эксъ-капитанъ 1863 г., впослѣдствіи депутатъ парламента.

Въ познанскомъ совѣтѣ засѣдали: извѣстный писатель, полковникъ 1863 г. Каллье (Callier), депутатъ Александръ Гуттри и Вл. Неголевскій. Кромѣ того, во Львовѣ образовалась городская делегація, въ которой участвовали между прочими: Зима, Романовичъ, писатель Видманъ, Домбровскій, впослѣдствіи президентъ города, и нѣсколько другихъ, преимущественно участниковъ возстанія 1863 г. Впрочемъ, въ Царствѣ Польскомъ, интересы котораго были больше всего затронуты, конфедерація нашла для себя почву не особенно благопріятную, такъ какъ не только не удалось создать здѣсь организацію по образцу Галиціи и Познани, но вожаки движенія, номинально проживавшіе въ Варшавѣ, фактически дѣйствовали во Львовѣ. Одновременно назначены были въ самыхъ главныхъ пунктахъ за границей уполномоченные, которымъ въ помощь приданы были военные агенты, и вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено было учредить отдѣленія конфедераціи подъ различными названіями, чтобы легче было отвлечь отъ нихъ вниманіе и затереть слѣды ихъ связей съ польскими областями. Уполномоченнымъ для Англіи былъ назначенъ Валерій Врублевскій, генералъ временъ парижской коммуны, для Франціи — полковникъ Рыдзевскій, въ Римѣ — гр. Вл. Кульчицкій, бывшій агентъ народнаго ржонда 1863 г., въ Константинополѣ—Циммерманъ. Въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ (фактъ поразительный!) вовсе не было уполномоченныхъ. Здѣсь соотвѣтственную роль исполняли обыкновенные конфедераты. Уполномоченные уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ получили отъ „генералиціи“ или вѣрнѣе отъ ея „исполнительнаго отдѣленія по иностраннымъ дѣламъ“ обширное наставленіе о своихъ обязанностяхъ. Главной ихъ задачей было склонить общественное мнѣніе въ пользу польскаго вопроса и убѣдить общество, что интересы Европы

требуютъ, чтобы вопросъ этотъ въ виду грядущихъ событій былъ поставленъ на остріѣ меча. Въ случаѣ встрѣчи съ официальными представителями государствъ, уполномоченный, не посвящая ихъ въ тайну существованія организаціи въ Галиціи и соблюдая всю возможную осторожность, долженъ былъ убѣждать ихъ, что въ Польшѣ легко можно бы вызвать движеніе. „Народъ нашъ, — долженъ былъ увѣрять уполномоченный словами инструкціи, — всегда готовъ! Слѣдуетъ бросить только искру. Если бы только Высокая Порта или королевское правительство Великобританіи пожелали, мы, эмигранты, ручаемся, что поднимемъ всю страну“. Дальше инструкція совѣтовала намекать въ общихъ фразахъ, что „въ Польшѣ есть несомнѣнный двигатель, важный факторъ, лежащій въ глубинѣ народа, могущій сыграть выдающуюся роль въ грядущихъ событіяхъ“. Спрошенный относительно этого фактора, каковымъ была конечно конфедерація, уполномоченный долженъ былъ сохранять тайну и заявлять, что только тогда онъ могъ бы вести открытую игру, если бы данное государство „дало несомнѣнныя гарантіи“. Ручательствомъ этимъ должна была быть поставка правительствомъ того или другого государства въ означенное мѣсто Галиціи оружія для 100,000 человѣкъ или по крайней мѣрѣ первой партіи этого запаса. Лондонскій уполномоченный долженъ былъ кромѣ того стремиться возбудить въ датчанахъ стремленіе получить обратно сѣверный Шлезвигъ, а Швеціи напомнить о ея правахъ на Финляндію. Наконецъ особую инструкцію получили представители конфедераціи въ Стамбулѣ.

Организація въ Галиціи дѣлилась на гражданскую и военную. Гражданскія должности носили древне-польскія названія: воеводъ, каштеляновъ, хорунжихъ, старостъ и т. п. Военная организація не состоялась, су-

ществовалъ только ея суррогатъ, въ формѣ десятковъ и сотенъ заговорщиковъ подъ начальствомъ десятниковъ и сотниковъ.

Все это было выполнено съ поразительной быстротой, служащей прекраснымъ свидѣтельствомъ конспиративныхъ способностей Кощица, но все это было поверхностно и охватывало только болѣе горячіе и пылкіе кружки, не проникая въ народную массу.

Конфедерація, которая благодаря своей энергіи и способности создавать обманчивые миражи, при полномъ отсутствіи дѣйствительной силы, должна была подчасъ въ миніатюрѣ играть роль центральнаго комитета 1862 г., въ этомъ отношеніи была только слабымъ отраженіемъ организаціи 1862—1863 гг. Этотъ двойной недочетъ въ деньгахъ и людяхъ отмѣчаетъ конфедераціонный совѣтъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, разосланныхъ заграничнымъ уполномоченнымъ. „Затрудненіемъ, — читаемъ въ этомъ циркулярѣ, — которое можно будетъ преодолѣть только въ моментъ открытія дѣйствій, является сборъ необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, ибо извѣстно, что насколько съ одной стороны народъ нашъ готовъ къ жертвамъ, настолько съ другой—болѣе широкія сферы, вслѣдствіе пробужденія надеждъ, не способны долго сохранять тайну, ибо невозможно всякаго призваннаго къ всенародной подати обязать присягой“. Поэтому главари старались не собирать пожертвованій и не привлекать къ организаціи болѣе широкихъ массъ, придавая ей характеръ какъ бы только рамокъ, которыя должна была заполнить позднѣйшая открытая дѣятельность. До какой степени отчаянно пустой бывала конфедераціонная касса, свидѣтельствуетъ фактъ, что когда въ концѣ 1876 г. должны были отправить курьера съ меморіаломъ въ Стамбулъ, то оказалось необходимымъ на путевыя издержки

устроить складчину, давшую всего 80 гульденовъ! Съ этой-то ничтожной суммой долженъ былъ отправиться въ путь представитель конфедераціи. Явная несоразмѣрность силъ и поставленной себѣ задачи обнаружилась вполнѣ. Впрочемъ, расчитывали главнымъ образомъ на помощь иностранныхъ державъ, по отношенію къ которымъ конфедерація рѣшила быть щедрой до крайнихъ предѣловъ. Такъ, Англія должна была получить послѣ разгрома Россіи острова балтійскіе и финскіе съ Кронштадтомъ и Крымъ, взамѣнъ за ту помощь, которая должна была выразиться въ доставкѣ на собственныхъ корабляхъ оружія въ Жмудь и отправленіи польскаго легіона подъ начальствомъ генерала Врублевскаго. На долю Турціи пришелся бы весь Кавказъ. Что касается Австріи, то конфедерація вовсе не причисляла ее къ враждебнымъ государствамъ, напротивъ, она даже подумывала привлечь ее на свою сторону для осуществленія своихъ плановъ. Правда, Австрія должна была отказаться въ пользу воскресающей Польши отъ Галиціи, взамѣнъ однако за это она получила бы вознагражденіе за счетъ Россіи или Турціи, получившей Кавказъ. Кромѣ того, Габсбургской династіи собирались предложить престолъ въ Варшавѣ. Польша, выкроенная изъ предѣловъ Россіи и Австріи, должна была увеличиться присоединеніемъ Херсонской губерніи, которая дала бы ей возможность создать флотъ на Черномъ морѣ.

Съ такими планами и съ такимъ запасомъ силъ приступили къ дѣлу.

Первымъ проявленіемъ новообразовавшагося правительства заговорщиковъ было изданіе двухъ актовъ: „манифеста“ и „резолюціи“, которые были тайно напечатаны и распространялись съ соблюденіемъ необходимой предосторожности. „Манифестъ“ возвѣщалъ

вкратцѣ объ образованіи конфедераціи и упоминалъ въ общихъ выраженіяхъ о предполагаемомъ въ виду грядущихъ событій призывѣ народа къ возвращенію слѣдуемыхъ ему правъ. „Резолюція“ же гласила, что поляки желаютъ принять участіе въ борьбѣ, которая вскорѣ вспыхнетъ между Россіей и Турціей, и обращаются за поддержкой къ сочувствующимъ имъ народамъ и правительствамъ. Манифестъ распространялся въ болѣе широкихъ размѣрахъ, резолюцію же предполагалось сообщить конфиденціально черезъ заграничныхъ уполномоченныхъ только кругамъ, особенно расположеннымъ къ польскому вопросу. Вопреки этимъ намѣреніямъ уполномоченные болѣе широко воспользовались присланными имъ воззваніями, такъ какъ содержаніе послѣднихъ вскорѣ перестало быть тайной не только для ближайшихъ друзей Польши, но и для широкихъ круговъ общества.

Представитель конфедераціи въ Лондонѣ, Валерій Врублевскій, сообщалъ отъ 6 декабря 1876 г.: „Наши резолюція и манифестъ встрѣтили здѣсь прекрасный пріемъ какъ въ печати, такъ и среди англійскаго общества“.

Заявивъ такимъ образомъ о своемъ существованіи, обладая уже кое-какой организаціей, конфедераціонный совѣтъ рѣшилъ послать въ Стамбулъ меморіалъ, опредѣлявшій въ главныхъ чертахъ возможныя отношенія его къ Турціи. Въ этомъ меморіалѣ, составленномъ Кощицемъ, пересмотрѣнномъ и дополненномъ Гиллеромъ, конфедерація заявляла о готовности поддержать Турцію въ готовившейся войнѣ вооруженной диверсіей въ тылу русской арміи. Въ Царствѣ Польскомъ, лишенномъ войскъ, должно было вспыхнуть возстаніе; одновременно же на Волынь должны были вторгнуться польскіе отряды, сформированные въ Га-

лиціи, чтобы парализовать движенія русскихъ и отвлечь извѣстную часть ихъ военныхъ силъ отъ главнаго театра войны. Поддержка эта должна была состояться подъ условіемъ, что Порта торжественно обяжется стремиться къ возстановленію Польши въ предѣлахъ тѣхъ земель, которыя отошли по раздѣламъ къ Россіи.

Сигналомъ къ началу возстанія послужилъ бы переходъ турецкой арміи черезъ Прутъ, на территорію прежняго польскаго Подолья, при чемъ въ виду климатическихъ условій оно не могло бы вспыхнуть раньше, чѣмъ съ наступленіемъ весны, въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля 1877 г.

Турція должна была бы обязаться доставить въ Польшу изъ Виддина черезъ Пештъ 100,000 ружей, съ соотвѣтственной артиллеріей и аммуниціей, и принять на себя посредничество въ пріобрѣтеніи за границей кредита для цѣлей возстанія, при чемъ 10,000 ф. стерлинговъ должны были быть выплачены въ началѣ весны для оборудованія организаціи.

Этотъ меморіалъ свезъ и вручилъ Циммерману случайно отправлявшійся въ Стамбулъ бывшій офицеръ 1863 г., которому даны были на путевыя издержки 80 гульденовъ, съ такимъ трудомъ собранные. Конфедераціонный документъ заключалъ въ себѣ одинъ формальный съ виду, но въ сущности весьма важный недостатокъ, который затруднялъ врученіе его турецкому прательству: подъ печатью „генералиціи" не было рѣшительно никакихъ фамилій. Ни Кощицъ, ни Шумскій, неизвѣстные никому писатели, не могли подписать документъ, требовавшій 100,000 ружей и обязывавшій поляковъ взамѣнъ этого оказать Турціи военную помощь.

Ни одинъ изъ выдающихся поляковъ не засѣдалъ въ конфедераціонномъ совѣтѣ. Въ силу необходимости пришлось ограничиться простымъ приложеніемъ пе-

чати! Этотъ недостатокъ сознавалъ Циммерманъ и поэтому колебался вручить меморіалъ, тѣмъ болѣе, что, въ качествѣ высшаго турецкаго офицера, онъ отчасти лично дѣлался отвѣтственнымъ передъ своимъ правительствомъ за неумѣстный поступокъ.

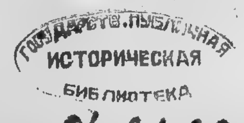
Въ такомъ затруднительномъ положеніи выдвинулся на арену польскихъ событій, въ роли добровольнаго посредника и союзника, неофиціальный дипломатическій агентъ Англіи Джонстонъ Бутлеръ (лордъ Норткотъ), пребывавшій тогда въ Константинополѣ.

Въ Англіи давно уже велись приготовленія на случай возможной войны Турціи съ Россіей и зорко смотрѣли на Востокъ. Въ числѣ многихъ мѣръ предусмотрительности считалось весьма желательнымъ обезпечить себѣ возможность распорядиться польскимъ козыремъ въ ожидаемыхъ событіяхъ. Каковы были дѣйствительныя намѣренія Англіи по отношенію къ полякамъ? Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ можно бы найти исключительно только въ совѣсти тогдашнихъ англійскихъ дипломатовъ. Можно однако предполагать, что государство, министръ котораго въ 1831 г. отказалъ въ офиціальной аудіенціи эмиссару варшавскаго ржонда, государство, которое 32 г. спустя, вовлеченное въ дипломатическіе переговоры европейскихъ державъ по польскому вопросу, съ полнымъ спокойствіемъ спрятало въ карманъ оскорбительный отвѣтъ Горчакова, вовсе не заботясь хотя бы для виду о сохраненіи пресловутой великобританской гордости, на этотъ разъ еще менѣе склонно было рисковать въ польскомъ вопросѣ, а желало единственно эксплоатировать его, какъ удобное средство для своихъ собственныхъ цѣлей, не обращая вниманія на то, какая судьба ожидала бы затѣмъ поляковъ. Возможность польской диверсіи особенно пришлась по сердцу партіи торіевъ, въ которой Джонстонъ

занималъ выдающееся положеніе. Накануне событій, разыгравшихся вскоре на Востоке, англійское правительство черезъ своего неофиціальнаго представителя обратилось къ Сигизмунду Милковскому съ предложеніемъ дать на цели возстанія деньги. На этотъ разъ приманка не оказала действія. Полковникъ далъ прекрасное доказательство сознанія имъ своей ответственности, заявивъ, что польское общество не склонно къ подобнымъ предпріятіямъ, и уклонился отъ посредничества. Поэтому, когда меморіалъ Коцица, въ которомъ поляки сами навязывались устроить диверсію, застрялъ вследствіе отсутствія подписей въ рукахъ Циммермана, Джонстонъ воспользовался случаемъ и напрягъ все усилія, чтобы облегчить этому акту достиженіе цели.

Личныя связи и авторитетъ представителя Англіи оказали свое действіе. Великій визирь, завeренный Джонстономъ въ подлинности меморіала, принялъ последній, какъ официальное посланіе польской конфедераціи, после чего произошло соглашеніе относительно подробностей договора. Кроме Джонстона въ этомъ деле проявилъ особенную энергію проживавшій въ Константинополе ополячившійся англичанинъ Станиславъ Боверъ де-Сенъ-Клеръ, бывшій капитанъ англійскихъ войскъ во время Крымской войны, которому суждено было сыграть выдающуюся роль въ дальнейшихъ событіяхъ.

Между темъ въ составе турецкаго правительства произошла важная перемена: партія, враждебная Мидхату-паше, добилась лишенія его должности великаго визиря, и его место занялъ осторожный Савфетъ-паша. Временно эта перемена заметно ухудшила шансы польской конфедераціи. Преемникъ Мидхата совершенно избегалъ поляковъ, и только шуринъ султана, министръ финансовъ Махмудъ-Даматъ-паша, конфиденціально под-



державалъ съ ними сношенія при посредствѣ своего секретаря, поляка Искендеръ-бея (Александра Зверж-ховскаго). Съ другой стороны, планамъ конфедераціи въ то же самое время угрожало противодѣйствіе въ Галиціи. Узнавъ объ этихъ планахъ, группа галицкихъ помѣщиковъ рѣшила быстро и энергично противодѣйствовать имъ прямо у источника опасности, т. е. у турецкаго правительства. Съ этой цѣлью немедленно же была отправлена въ Стамбулъ делегація, въ составъ которой входили: извѣстный поэтъ гр. Вл. Тарновскій изъ Врублевицъ, гр. Рачинскій, Косиловскій и Ключинскій.

Делегація вскорѣ прибыла въ Константинополь, побывала у великаго визиря и другихъ сановниковъ, завѣряя всюду, что вся затѣя конфедератовъ есть мистификація небольшой группы ничего не значущихъ лицъ и что Польша, ослабленная и нравственно и матеріально недавно испытаннымъ пораженіемъ, не хочетъ и не можетъ принять активное участіе въ случаѣ войны. Этимъ хлопотамъ невольно оказалъ содѣйствіе самъ Мидхатъ-паша, находившійся тогда въ Неаполѣ и покинувшій Турцію вслѣдствіе недовольства новымъ курсомъ политики Великой Порты. Хотя мѣсто предусмотрительнаго Савфета занялъ уже рѣшительный врагъ Россіи Эдхемъ-паша, Мидхатъ, потерявъ вѣру въ способность султана осуществить его планы, самъ началъ стремиться къ ихъ уничтоженію. Пригласивъ къ себѣ довѣреннаго человѣка въ лицѣ Карла Бржозовскаго, онъ составилъ съ нимъ планъ противодѣйствія активному участію поляковъ въ борьбѣ Турціи съ Россіей.

Съ этой цѣлью онъ отправилъ къ Эдхему-пашѣ меморіалъ, подписанный имъ самимъ и Бржозовскимъ. Бржозовскій же поспѣшилъ во Львовъ, чтобы удержать конфедераціонный совѣтъ отъ дальнѣйшихъ шаговъ.

Встрѣтивъ здѣсь холодный, высокомѣрный и даже грубый пріемъ, онъ отправился въ Стамбулъ съ тѣмъ же намѣреніемъ противодѣйствовать замысламъ конфедераціи. Однако было уже поздно. Махмудъ-Даматъ не безъ содѣйствія Джонстона, генія-покровителя конфедераціи, велѣлъ выдать Циммерману 60,000 ружей, которыя на двухъ судахъ отправлены были въ Виддинъ. Произошло это настолько неожиданно и безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ конфедераціоннымъ совѣтомъ, что даже самъ совѣтъ, какъ свидѣтельствуетъ Кощицъ, былъ чрезвычайно озабоченъ, что̀ дѣлать съ этимъ подаркомъ. Въ Галиціи даже самые горячіе сторонники движенія не были приготовлены къ такому быстрому прибытію турецкаго подарка. Не обдумали даже, какимъ образомъ его перевезти изъ Виддина. Въ моментъ перваго приступа горячки, которая охватила конфедератовъ при вѣсти о идущихъ на сѣверъ ружьяхъ, почти инстинктивно отправили въ Пештъ Карла Громана и Мощанскаго, чтобы тамъ искать совѣта и помощи. Задача была не изъ легкихъ. Перевозка такого значительнаго транспорта оружія могла совершиться только при молчаливомъ согласіи Австріи, правительство которой уже отлично было освѣдомлено о сношеніяхъ конфедераціи съ Турціей. Но теперь выступили съ энергической контръ-агитаціей противники движенія въ Галиціи, люди, понимавшіе весь ужасъ опасности, которой подвергалась несчастная Польша вовлеченіемъ ея въ военную авантюру.

Во главѣ этого движенія стоялъ вновь назначенный намѣстникъ Галиціи, гр. Альфредъ Потоцкій. Самые выдающіеся политическіе дѣятели Австріи употребили все свое вліяніе, чтобы предотвратить катастрофу, очевидность которой при быстромъ ходѣ событій проявилась раньше, чѣмъ можно было предпо-

лагать. Благодаря этимъ усиліямъ, удалось своевременно потушить зажженный фитиль, поданный львовскимъ конфедератамъ рукою турецкаго союзника. Виддинскія суда застряли на мѣстѣ, не имѣя возможности выгрузить на австрійской границѣ привезенный запасъ оружія.

Это былъ для конфедераціи серьезный, хотя и не смертельный ударъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи конфедераціонному совѣту пришла мысль расположить въ свою пользу главу католической церкви, чтобы такимъ образомъ увлечь за собою весь народъ. Въ исполненіи этого смѣлаго предпріятія, увѣнчавшагося полнымъ успѣхомъ, опять проявилась рука услужливаго Джонстона Бутлера. Не откладывая дѣла, конфедераціонный совѣтъ отправилъ къ Джонстону письмо, прося его, чтобы онъ добился у папы Пія IX „поддержки стремленіямъ польскихъ патріотовъ“, поддержки, конечно, нравственной, въ видѣ, напр., соотвѣтственнаго обращенія „при благопріятныхъ обстоятельствахъ“. Джонстонъ охотно взялся исполнить желаніе совѣта и даже заранѣе высказывалъ увѣренность въ благопріятномъ результатѣ своихъ стараній.

12—24 апрѣля 1877 года Россія объявила войну Турціи. Въ тотъ же день русская армія перешла Прутъ, вскорѣ заняла Валахію и двинулась на югъ. Турецкая армія оставалась на Дунаѣ. Такимъ образомъ, планъ совмѣстныхъ дѣйствій Турціи и польскихъ повстанцевъ, планъ, условіемъ котораго было вторженіе турокъ въ предѣлы б. Рѣчи Посполитой, однимъ взмахомъ былъ разбитъ. Не теряя надежды на то, что при успѣхахъ турецкаго оружія можно будетъ въ будущемъ исправить ошибку, конфедераціонный совѣтъ постановилъ теперь заняться возбужденіемъ общественнаго мнѣнія Европы, чтобы склонить его въ

пользу польскаго вопроса. Рѣшено было достигнуть этой цѣли при помощи агитаціи въ симпатизировавшей полякамъ заграничной печати, а также устройствомъ вездѣ, гдѣ окажется возможнымъ, народныхъ собраній. Опасаясь, что уполномоченные недостаточно хорошо исполнятъ возложенную на нихъ задачу, совѣтъ постановилъ отправить заграницу Кощица. Прежде всего имѣлась въ виду Англія. 3-го мая Кощицъ, снабженный Симономъ всего лишь нѣсколькими сотнями гульденовъ, покинулъ Львовъ и 6-го числа былъ уже въ Лондонѣ. Располагая средствами, достаточными лишь на наемъ квартиры во второстепенной гостиницѣ и на болѣе, чѣмъ скромное содержаніе, полномочный посолъ конфедераціи не могъ мечтать о томъ, чтобы попасть къ вліятельнымъ особамъ Великобританіи. Въ этомъ долженъ былъ его выручить, насколько возможно, генералъ Врублевскій. Однако официальная Англія вовсе не обнаружила склонности къ переговорамъ съ представителями конфедераціи. Зато англійскій народъ сердечно встрѣтилъ обоихъ поляковъ и охотно согласился громко выразить свои симпатіи польскому дѣлу.

Въ воскресенье, 13 мая, въ Гайдъ-Паркѣ состоялся большой митингъ при участіи нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Возлѣ каѳедръ ораторовъ развѣвались флаги съ надписями: „Да здравствуетъ Польша!“; „Смерть или побѣда!“ Ораторы сильно нападали на Россію, послѣ чего принята была резолюція, въ которой требовали объявленія Россіи войны и возстановленія Польши. Поблагодаривъ за устройство митинга, Кощицъ въ тотъ же день отправился въ Парижъ. Здѣсь однако онъ нашелъ совершенно не подходящую для своихъ замысловъ почву и не только среди французовъ, которые не могли забыть полякамъ ихъ участіе въ па-

рижской коммунѣ, но и въ самой польской колоніи, представители которой въ интимномъ совѣщаніи категорически заявили ему, что они осуждаютъ движеніе, задуманное въ Галиціи. Разочарованный Кощицъ бросилъ дальнѣйшее путешествіе и уже 23 мая вернулся во Львовъ.

Въ то время, когда Кощицъ безъ особеннаго успѣха силился пробудить за границей симпатіи къ польскому дѣлу, а конфедерація развивала дипломатическую и подготовительно-военную дѣятельность, по возможности тайно и во всякомъ случаѣ еще не выступая открыто на арену, въ Константинополѣ явно и официально, подъ протекторатомъ Турціи, было поднято знамя польскихъ легіоновъ.

III.

Въ турецкой арміи съ 1855 года существовали учрежденные Садыкомъ-пашой (Чайковскимъ) два польскихъ легіона: казацкій и драгунскій. Эта небольшая горсточка, не превышавшая нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, давно выжидала удобнаго момента, чтобы принять активное участіе въ войнѣ Турціи съ Россіей. Случай этотъ теперь представился. Не сносясь съ конфедераціей или, лучше сказать, независимо отъ затѣянныхъ ею дѣйствій, польскіе легіоны постановили, съ согласія турецкаго правительства, принять активное участіе и призвать „братьевъ изгнанниковъ, разсѣянныхъ по всей землѣ“, записываться подъ ихъ знамена для борьбы съ Россіей. Предводителемъ легіоновъ былъ назначенъ уполномоченный конфедераціи полковникъ Циммерманъ; его помощниками были: бывшій личный адъютантъ Абдулъ-Азиса, подполковникъ Лисикевичъ, и эмигрантъ 1848 года майоръ Сокульскій, а адъю-

тантомъ—капитанъ Млодзяновскій. Открыта была рекрутская канцелярія, 5-го же мая „комитетъ польской эмиграціи“ выпустилъ воззваніе, подписанное Болеславомъ Гольцомъ, Вл. Бржозовскимъ и Богдановичемъ, приглашавшее въ исполненныхъ поэтическаго чувства выраженіяхъ къ соединенію съ легіонами. „Наше мѣсто,—призывалъ комитетъ,—рядомъ съ Турціей, и съ нами будутъ всѣ друзья свободы и порядка. А потому къ оружію, къ оружію, которое султанъ великодушно далъ въ наше распоряженіе! Громъ пушекъ доходитъ уже до нашихъ ушей. Не будемъ терять ни минуты! Расторгнемъ цѣпи, связывающія нашего Бѣлаго Орла! Врагъ не устоитъ противъ нашихъ соединенныхъ силъ. Водрузимъ наши знамена у устьевъ Вислы, Нѣмана, Днѣпра и Днѣстра!“. Составителемъ этого воззванія былъ Рагоза, блуждающій рыцарь свободы, воинъ и поэтъ, энтузіастъ съ прекрасными, высокоидеальными чертами характера человѣкъ, который вскорѣ долженъ былъ кровью запечатлѣть свое участіе въ задуманномъ дѣлѣ. Послѣ прекращенія своего журнала „Wici“, Рагоза переселился въ Лондонъ и, работая, какъ простой рабочій, въ докахъ, выжидалъ момента, предсказаннаго въ его органѣ. При извѣстіи о событіяхъ, разыгравшихся на Востокѣ, онъ безъ гроша въ карманѣ пѣшкомъ добрался до Тріеста, откуда при содѣйствіи турецкаго консула отправился на пароходѣ въ Стамбулъ, чтобы поступить рядовымъ въ легіоны. Четыре мѣсяца спустя онъ погибъ въ Семиградіи.

Стамбульское воззваніе было перепечатано журналами въ Галиціи, гдѣ часть прессы сильно вооружилась противъ него. То же самое сдѣлалъ за границей основатель Рапперсвильскаго музея Вл. Плятеръ, выступившій съ энергическимъ протестомъ въ иностранныхъ журналахъ.

При такихъ то обстоятельствахъ приближался исторический моментъ выступленія папы Пія IX въ защиту угнетенной Польши. Какъ намъ уже извѣстно, конфедерація возымѣла смѣлую мысль привлечь для своихъ цѣлей главу католической церкви и исполненіе этой мысли довѣрила всегда готовому къ услугамъ Джонстону Бутлеру. Благодаря усиліямъ вліятельнаго и ловкаго англичанина, удалось заручиться содѣйствіемъ популярнаго въ католическомъ мірѣ кардинала Маннинга, который подъ давленіемъ католиковъ-торіевъ согласился принять на себя роль защитника освободительнаго движенія въ Польшѣ передъ папой Піемъ IX. Кульчицкій съ своей стороны освѣдомлялъ Ватиканъ, что иниціаторами движенія являются какъ разъ тѣ самые люди, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ громко и энергично защищали передъ общественнымъ мнѣніемъ всего свѣта дѣло о „насиліяхъ“ надъ уніатами въ Подляшьи, а потому эти люди—добрые католики. Папа рѣшился выступить въ защиту Польши при удобномъ случаѣ.

Случай этотъ надо было создать. Рѣшено было устроить большое паломничество поляковъ въ Римъ, конечно, не подъ знаменемъ конфедераціи, вывѣска которой могла удержать отъ участія не только вліятельныхъ лицъ, но и значительную часть польскаго общества. Зато самый замыселъ паломничества могъ очень легко осуществиться, въ особенности въ виду новыхъ ударовъ, какіе были нанесены католической церкви въ Польшѣ. Въ обширной агитаціи, какая съ этой цѣлью была предпринята во всѣхъ трехъ частяхъ б. Польши, приняли участіе какъ люди, ничего не знающіе о замыслахъ конфедератовъ (кн. Конст. Чарторыйскій, Жултовскій, ксендзы Голынскій и Подольскій), такъ и люди, посвященные въ нихъ (Гиллеръ, Млоцкій, Уфріевичъ),

благодаря чему вскорѣ оказались готовыми выступить въ путь около 500 паломниковъ изъ Галиціи, Познани, Силезіи, Царства Польскаго и Литвы.

Среди паломниковъ было около 300 крестьянъ, въ томъ числѣ значительное количество уніатовъ, около 100 ксендзовъ и 100 человѣкъ изъ дворянъ и мѣщанъ.

Въ первыхъ числахъ іюня 1877 года паломники выѣхали нѣсколькими партіями, которыя соединились на границѣ, и были приняты въ Вѣнѣ въ торжественной аудіенціи папскимъ нунціемъ кардиналомъ Якобини, который будто бы принадлежалъ къ числу „посвященныхъ"; два дня спустя депутаціи явились въ Римъ, гдѣ руководительство ими принялъ на себя кардиналъ Ледоховскій, извѣстная уже тогда жертва т. н. „культурной борьбы" въ Пруссіи. Пріемъ польскихъ пилигримовъ итальянцами, хотя враждебными папству, но тѣмъ не менѣе сочувствующими католичеству, былъ чрезвычайно горячимъ и достигъ кульминаціоннаго пункта въ знаменитомъ облобызаніи руки мужика-уніата однимъ изъ итальянскихъ епископовъ на кладбищѣ св. Лаврентія.

Только во время пребыванія въ Римѣ официальные вожаки паломничества замѣтили, что невѣдомыя руки тайно подготовляютъ политическій актъ, невольнымъ орудіемъ котораго должно сдѣлаться отчасти самое паломничество. Идти назадъ было уже поздно. Оказано было только въ соотвѣтственномъ направленіи давленіе на ватиканскія сферы, но оно встрѣтилось съ столь же сильнымъ контръ-давленіемъ находившихся уже въ Римѣ англійскихъ опекуновъ конфедераціи: кардинала Маннинга, родственника королевы—лорда Дембига и предсѣдателя Литературнаго общества друзей Польши въ Лондонѣ лорда Стюартъ-Ролланда. 12 іюня состоялся пріемъ польскихъ паломниковъ папой. Выслушавъ рѣчь

кардинала Ледоховскаго и адресы галичанъ и велико-поляковъ, прочитанные Конст. Чарторыйскимъ и Фр. Жултовскимъ, Пій IX въ сопровожденіи двѣнадцати кардиналовъ и величественной свиты сошелъ въ толпу крестьянъ и произнесъ знаменитую рѣчь, которая громкимъ эхомъ отозвалась по Европѣ, наэлектризовала Польшу и сдѣлалась фундаментомъ той необычайной популярности этого главы католичества, которая сохранилась еще до сихъ поръ.

Что содержалъ подлинный текстъ папской рѣчи? Доискаться этого теперь невозможно. Уже тогда распространены были три значительно разнящіяся другъ отъ друга версіи: латинскій—официіальный текстъ, нѣсколько отличный отъ него текстъ польскій, напечатанный въ польскихъ газетахъ и переданный въ переводѣ по телеграфу въ иностранные журналы вожаками паломничества, стремившимися теперь нѣсколько ослабить успѣхи конфедераціи; наконецъ, третій текстъ, яко бы подлинный, наскоро записанный по порученію Кульчицкаго во время аудіенціи и заключающій въ себѣ отступленія и импровизаціи увлекающагося въ порывѣ краснорѣчія папы на канвѣ заранѣе составленной рѣчи. Конфедерація рѣшила распространить этотъ послѣдній текстъ въ Польшѣ, что и исполнила безъ замедленій, разбросавъ 30,000 экземпляровъ рѣчи на польскомъ языкѣ и 6,000 на литовскомъ.

Папа въ своей рѣчи къ полякамъ напомнилъ объ угнетеніи, какое они испытываютъ отовсюду, взывалъ къ ихъ терпѣнію, постоянству и мужеству; въ пламенныхъ словахъ предвѣщалъ онъ приближеніе „карающей десницы Божіей, страшнаго судьи и мстителя обиженныхъ дѣтей своихъ“, благословилъ „расчлененное Царство Польское и весь несчастный польскій народъ“, распространяя это благословеніе „на души и тѣла, на

жизнь и на смерть“, и заключилъ свою рѣчь такими словами: „Если Богъ долготерпѣливъ и милосердъ, то наступаетъ время, когда Онъ становится неумолимымъ. Надѣйтесь, молитесь, и ваши поработители погибнутъ, а Царство Польское будетъ возстановлено“.

Эти именно наиболѣе рѣзкія выдержки не были помѣщены въ текстѣ, напечатанномъ въ газетахъ, но распространились среди польскаго народа при помощи летучаго листка конфедераціи. Конечно, конфедерація не преминула представить исторію паломничества, какъ свою полную побѣду, и изъ этого драгоцѣннаго металла стала чеканить ходячую монету для агитаціи среди своихъ и чужихъ.

Прежде всего, она сумѣла настолько поднять свои фонды въ Турціи, что султанъ согласился отправить въ качествѣ посла къ конфедераціонному совѣту Искендеръ-бея (Звержховскаго), секретаря своего шурина Махмудъ-Дамата-паши. Успѣхи конфедераціи были несомнѣнны. Не имѣя на своей сторонѣ общества, не располагая рѣшительно никакими матеріальными средствами, будучи въ сущности только безпримѣрной мистификаціей, конфедерація сумѣла однако, благодаря необычайной и подчасъ достойной удивленія ловкости нѣсколькихъ людей, а также благопріятному для нея антагонизму государствъ, добиться такихъ результатовъ, которые начинали все сильнѣе безпокоить болѣе серьезные польскіе умы.

Становилось очевиднымъ, что два государства, заинтересованныя въ томъ, чтобы создать Россіи какъ можно больше затрудненій у себя дома, не задумаются оказать политической авантюрѣ конфедератовъ весьма серьезную поддержку, которой достаточно будетъ для того, чтобы вызвать кровопролитіе въ Польшѣ.

Эпизодъ съ турецкимъ оружіемъ, отправленнымъ въ Виддинъ и благополучно задержаннымъ на мѣстѣ, являлся въ этомъ отношеніи краснорѣчивымъ и грознымъ предостереженіемъ.

Теперь положеніе сдѣлалось еще болѣе серьезнымъ, опасность еще болѣе очевидной.

Въ этотъ моментъ выступилъ на арену главный виновникъ польскаго движенія 1877 года, кн. Адамъ Сапѣга. Его роль въ этихъ таинственныхъ происшествіяхъ, совершавшихся какъ бы за кулисами, вдали отъ дневного свѣта, долгое время была предметомъ самыхъ противорѣчивыхъ толковъ. До самой смерти князя ходили двѣ исключающія одна другую версіи: одна гласила, что князь присоединился къ конфедераціи, какъ убѣжденный ея сторонникъ, и только желалъ предохранить ее отъ неосторожныхъ шаговъ, которыхъ слѣдовало опасаться даже съ точки зрѣнія политики повстанцевъ при тогдашнемъ направленіи конфедераціи; по другой—онъ поставилъ себѣ цѣлью съ перваго же момента уничтожить подымавшееся движеніе. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что правда заключалась во второй версіи. Въ успѣхъ возстанія въ Польшѣ могли вѣрить исключительно горячія головы, въ родѣ Кощица, или долголѣтніе эмигранты, какъ Кульчицкій и Врублевскій.

Но и эмиграція отнеслась къ этой затѣѣ скептически. Дважды участвовавшій въ борьбѣ за свободу Сигизмундъ Милковскій уклонился отъ указанныхъ выше англійскихъ предложеній и не имѣлъ никакихъ сношеній съ конфедераціей. Съ энергическимъ протестомъ противъ плановъ повстанцевъ выступилъ Плятеръ, а парижская „Polonia" окатила холодной водой посланца генералиціи. Въ Галиціи всѣ тѣ, кто способенъ былъ мыслить реально, не только должны были оказаться противниками тайнаго союза, но должны были дро-

жать при мысли, что вдругъ можетъ удаться какая-нибудь небольшая вспышка и повлечь за собою новыя несчастія.

До тѣхъ поръ, пока дѣло носило всѣ признаки школьническаго заговора, до тѣхъ поръ, пока составлялись манифесты, назначались заграничные уполномоченные и раздавались должности воеводъ и каштеляновъ, на всю эту работу можно было смотрѣть безъ опасеній. Но когда эта, повидимому, театральная игра начинала съ теченіемъ времени принимать формы дѣйствительности, когда положеніе, въ особенности послѣ выраженія турецкимъ правительствомъ готовности доставить оружіе и послѣ подозрительно усердныхъ стараній Джонстона, становилось очевидно опаснымъ, въ сферахъ, соединявшихъ патріотическія чувства съ трезвой оцѣнкой обстоятельствъ, должна была родиться мысль объ энергическомъ противодѣйствіи затѣѣ конфедераціи.

Офиціальное вмѣшательство, употребленное для задержанія турецкаго оружія, на этотъ разъ оказалось недостаточнымъ. Овладѣть движеніемъ, скрывавшимся подъ землей, представлялось задачей болѣе трудной, чѣмъ не допустить въ Галицію транспортъ оружія.

Воздѣйствіе извнѣ не возбуждало большихъ надеждъ, необходимо было проникнуть въ самый центръ замысловъ конфедератовъ, взять въ свои руки кормило власти и ловкими дѣйствіями сдѣлать ихъ безвредными. За это трудное предпріятіе могло бы взяться съ расчетомъ на успѣхъ лицо, пользующееся исключительной популярностью въ самыхъ широкихъ сферахъ. Этимъ условіямъ вполнѣ соотвѣтствовалъ „красный князь“. Недавній повстанецъ, узникъ и изгнанникъ, обладатель большого состоянія и носитель древняго имени, Адамъ Сапѣга пользовался тѣмъ особеннымъ

обаяніемъ, какое производятъ въ Польшѣ магнаты, не уклоняющіеся отъ несенія жертвъ на алтарь общественной дѣятельности.

Всѣ помнили, что въ 1863 году онъ сражался, какъ простой солдатъ, цѣнили въ немъ то, что онъ не возносился надъ массою, что сильнѣе всѣхъ остальныхъ аристократовъ сознавалъ свою солидарность съ обществомъ; наконецъ, онъ окруженъ былъ ореоломъ слегка проявлявшагося противодѣйствія австрійской государственной идеѣ, отличался нѣкоторой холодностью и сдержанностью по отношенію къ правящимъ сферамъ, нѣкоторой недоступностью, выражавшейся въ томъ, что онъ не принималъ никакихъ должностей и отличій изъ рукъ правительства. Все это дѣлало князя въ глазахъ массъ личностью особенно симпатичной.

Вступленію Сапѣги въ конфедерацію должно было предшествовать интимное соглашеніе съ нѣкоторыми конфедератами, какъ кажется, не вполнѣ убѣжденными въ спасительности начатаго движенія. Соглашеніе это состоялось тѣмъ легче, что въ средѣ конфедераціи находилось нѣсколько преданныхъ князю лицъ, какъ напр. директоръ банка и „воевода“ Симонъ, готовыхъ содѣйствовать его планамъ. Рѣшено было, что приглашеніе князя къ участію въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ должно послѣдовать отъ лица генералиціи. И вотъ на одномъ изъ засѣданій совѣта Робертъ Тиме, подробно выяснивъ, что въ интересахъ самаго движенія слѣдовало бы пригласить въ качествѣ руководителя какую-нибудь извѣстную и всѣми уважаемую личность, предложилъ въ предсѣдатели князя Адама Сапѣгу. Фамилія кандидата была настолько популярна, что даже Кощицъ, которому угрожала потеря занимаемаго имъ до сихъ поръ доминирующаго положенія, не осмѣлился противорѣчить. Предложеніе Тиме было принято, и въ

ту же ночь инициаторъ его выѣхалъ въ Кальтенлейтгебенъ, возлѣ Вѣны, чтобы предложить князю присоединиться къ движенію и взять на себя руководство имъ. На третій день Тиме вернулся во Львовъ съ извѣстіемъ, что князь Сапѣга согласился стать во главѣ конфедераціи. Этотъ моментъ долженъ былъ рѣшить дальнѣйшую участь дѣла Кощица и оказать благодѣтельное вліяніе на судьбы Польши, которой угрожало новое вооруженное возстаніе.

IV.

Занятіе предсѣдательскаго мѣста въ генеральномъ совѣтѣ княземъ Адамомъ Сапѣгой не вызвало на первыхъ порахъ перемѣнъ въ политикѣ конфедератовъ. Если бы князь вздумалъ прямо съ мѣста остановить теченіе узкой, но быстрой польской рѣчки, стремившейся соединиться съ океаномъ русско-турецкой войны, онъ безъ сомнѣнія потерпѣлъ бы неудачу. Кормило власти, такъ удачно отнятой изъ рукъ Кощица, попало бы обратно въ тѣ же руки. Необходимо было дѣйствовать медленно и осторожно. Слѣдовало позволить рѣчкѣ на первыхъ порахъ течь безпрепятственно, чтобы спустя нѣкоторое время направить ее въ другое русло и незамѣтно довести до исчезновенія. У князя была идея преобразовать конфедерацію въ какую-нибудь другую, похожую форму, не угрожающую уже взрывомъ, и при этомъ въ такую, которая при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ могла быть легко уничтожена.

Планъ этотъ, послѣ преодолѣнія многихъ затрудненій, долженъ былъ по его расчету удасться. Между тѣмъ все осталось постарому, и событія двигались впередъ по тому же направленію.

Въ концѣ мая по полномочію генеральнаго совѣта отправился въ Лондонъ Крукъ-Гейденрейхъ съ миссіей

устроить заемъ для цѣлей повстанія, а нѣсколько дней спустя былъ назначенъ организаторъ для Варшавы, которому поручено было учрежденіе здѣсь мѣстнаго народнаго ржонда, какъ только будетъ окончена организація въ воеводствахъ. При осуществленіи этого другого вопроса, возникъ споръ между Кощицемъ и конфедераціоннымъ совѣтомъ, вслѣдствіе чего обиженный Кощицъ заявилъ, что онъ покидаетъ совѣтъ.

Наконецъ 17 іюня прибыло въ Львовъ обѣщанное мѣсяцъ тому назадъ посольство отъ султана; въ составъ его входили Искендеръ-бей (Звержховскій), секретарь Махмудъ-Дамата, и Сигизмундъ Сѣминскій, членъ тайной заграничной турецкой полиціи. Султанское посольство нашло высшія власти конфедераціи въ плачевномъ состояніи.

Обиженный Кощицъ уже въ теченіе двухъ недѣль ни во что не вмѣшивался. Шумскаго не было во Львовѣ, такъ какъ онъ еще въ апрѣлѣ былъ отправленъ въ Варшаву и тамъ застрялъ, рѣшивъ совершенно оставить политику и посвятить себя спокойнымъ литературнымъ занятіямъ. Изъ всей генералиціи остались только два человѣка: Тиме и какой-то служащій частнаго учрежденія, неизвѣстный по фамиліи.

Въ довершеніе всего въ Львовѣ болтался и присталъ затѣмъ къ делегатамъ вновь назначенный организаторъ для Царства Польскаго, который опоздалъ выѣздомъ, такъ какъ совѣтъ не хотѣлъ уплатить ему какихъ-то добавочныхъ 100 гульденовъ на поѣздку, что конечно компрометировало порядки, царившіе въ организаціи. Самымъ роковымъ фактомъ было то, что единственные активные члены совѣта въ числѣ двухъ, чувствуя всю недостаточность своего представительства, сами не могли рѣшиться принять султанскихъ пословъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи они

постановили просить помощи у Кощица, который, предавъ забвенію свою обиду, согласился принять участіе въ конференціи.

Мѣстомъ свиданія было выбрано отдаленное зданіе на Зеленой улицѣ, управляющимъ котораго былъ одинъ изъ членовъ организаціи, Адамъ Кульвецъ, бывшій русскій офицеръ. Какъ только сошлись обѣ стороны, Звержховскій, выразивъ „симпатіи султана польскому народу" и „высокій привѣтъ конфедераціонному совѣту", объявилъ, что его величество султанъ взываетъ Польшу поднять у себя не позже, какъ черезъ двѣ недѣли, возстаніе, и что онъ въ такомъ случаѣ готовъ дать въ распоряженіе конфедераціи 77,000 гульденовъ. Если принять во вниманіе, что конфедераціонная организація все еще находилась въ фазисѣ приготовленій, а въ главной изъ областей Польши, Царствѣ Польскомъ, еще рѣшительно ничего не было сдѣлано, и делегатъ, которому поручена была миссія учрежденія въ Варшавѣ народнаго ржонда, вслѣдствіе неуплаты ему 100 гульденовъ, все еще оставался во Львовѣ, то мы легко поймемъ, что послѣ словъ Искендеръ-бея воцарилось тягостное молчаніе въ этомъ грустномъ собраніи. Когда члены совѣта пришли въ себя, всталъ съ отвѣтной рѣчью Кощицъ. Поблагодаривъ султана за высокую честь довѣрія къ конфедераціи, онъ заявилъ, что не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы въ теченіе двухъ недѣль вызвать возстаніе; виновницей этого является единственно Высокая Порта, такъ какъ она не исполнила двухъ существенныхъ условій, изложенныхъ въ меморіалѣ конфедераціи, т. е. не добилась для Польши займа за границей и не заняла территоріи бывшей Польши. По этимъ причинамъ, хотя конфедерація не уклонится ни на волосъ отъ своихъ стремле-

ній вызвать вооруженное движеніе, она не можетъ опредѣлить моментъ его начала.

Султанскіе послы съ недовольнымъ видомъ приняли этотъ отвѣтъ къ свѣдѣнію. На томъ и кончилась миссія посольства.

Когда во Львовѣ совершались эти злополучныя событія, въ то же самое время на другомъ концѣ Европы, въ Лондонѣ, Крукъ велъ съ такимъ же успѣхомъ переговоры объ англійскомъ займѣ. Благодаря вліянію Боверъ де С.-Клера, который, какъ англичанинъ по происхожденію и при томъ аристократъ, обладалъ связями въ Лондонѣ, Крукъ нашелъ доступъ къ лорду Стюарту Ролланду и изложилъ ему все дѣло самымъ краснорѣчивымъ образомъ. Во время перваго свиданія польскаго посланца прислушивался къ рѣчамъ, спрятавшись за занавѣсомъ, лордъ-премьеръ д'Израэли Биконсфильдъ. Экономный англичанинъ предлагалъ на цѣли конфедераціи 10,000 фунт., не безъ основанія предполагая, что этой суммы будетъ достаточно, чтобы вызвать на далекомъ славянскомъ Востокѣ замѣшательство, которое было бы на руку Англіи. Крукъ сразу отказался отъ этой поддержки, твердо отстаивая условія конфедераціи, которыя гласили: милліонъ гульденовъ займа и вспомогательный флотъ на Балтійскомъ морѣ! Условія эти сильно не понравились спрятавшемуся министру ея королевскаго величества, но переговоры изъ-за этого не были прерваны. Крукъ сносился съ англійскимъ генеральнымъ штабомъ, отъ котораго получилъ небольшое пособіе на покупку русскихъ штабныхъ картъ; между тѣмъ торіи совѣщались о размѣрѣ требуемаго займа. Наконецъ согласились на значительное увеличеніе его, какъ утверждалъ Крукъ, на круглый милліонъ, съ тѣмъ однако условіемъ, что за получкой денегъ будетъ командировано какое-ни-

будь извѣстное лицо, могущее дать англійскому правительству необходимыя гарантіи.

Не медля далѣе, Крукъ вернулся во Львовъ, гдѣ представилъ отчетъ о результатахъ посольства сперва городской делегаціи, а потомъ уже конфедераціонному совѣту, возмущенному этимъ пренебрежительнымъ къ нему отношеніемъ.

Теперь начали искать новаго посланца, но это была задача нелегкая. Конфедерація, какъ извѣстно, не имѣла въ рядахъ своихъ ни одного человѣка, имя котораго пользовалось бы извѣстнымъ значеніемъ за границей; она уже однажды сильно ощутила этотъ недостатокъ, а именно тогда, когда нужно было подписать меморіалъ, приготовленный для Турціи въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1876 г. Отсутствіе такого лица имѣло рѣшающее вліяніе, и постановлено было пригласить въ предсѣдатели конфедераціи Сапѣгу; но Сапѣга занятъ былъ тогда дѣятельностью другого рода и пока держался въ сторонѣ отъ переговоровъ съ Англіей на счетъ займа. Въ виду отсутствія выдающихся личностей слѣдовало обратить взоры хотя бы на аристократа. Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ Артура гр. Голуховскаго, входившаго въ составъ галицкой делегаціи. Этотъ рѣшительный противникъ возстанія и вмѣстѣ съ тѣмъ непримиримый врагъ Россіи непонятнымъ образомъ попалъ въ ряды конфедераціи. Голуховскій, нѣсколько тугой на ухо, больной, обложенный мушками, согласился поѣхать въ Лондонъ. Однако, едва добрался онъ до Кельна, какъ получилъ въ дорогѣ письмо отъ кн. Сапѣги, предсѣдателя конфедераціи, чтобы немедленно возвращался въ Вѣну, гдѣ долженъ былъ образоваться вмѣсто конфедераціоннаго совѣта народный ржондъ, которому еще пред-

стояло рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли нуженъ заемъ или нѣтъ.

Съ этого момента, переставъ скрываться, Сапѣга долженъ былъ руководить событіями и довести ихъ до развязки, которая предотвратила ударъ, долгое время висѣвшій надъ Польшей.

Князь долженъ былъ приступить къ конфедераціи несомнѣнно съ хорошо обдуманнымъ планомъ дѣйствій, извѣстнымъ намъ лишь въ главныхъ чертахъ; не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ планъ долженъ былъ видоизмѣняться въ подробностяхъ по мѣрѣ хода событій. Главная идея князя заключалась въ томъ, чтобы не допустить до самостоятельнаго возстанія въ Царствѣ Польскомъ на турецкія или англійскія деньги, такъ какъ онъ не вѣрилъ ни тому, что поляки дѣйствительно могли бы угрожать Россіи, ни тому, чтобы двѣ державы, заинтересованныя въ событіяхъ, пожелали въ польскомъ дѣлѣ принять серьезное участіе, а особенно, чтобы это сдѣлала Англія.

Пародія возстанія (такъ какъ при данныхъ условіяхъ только это было возможнымъ) скомпрометировала бы только польское дѣло и увеличила бы гнетъ. Князь чувствовалъ это прекрасно, а подтвержденіе собственной оцѣнки положенія онъ находилъ въ многочисленныхъ голосахъ изъ-за границы, которые умоляли предотвратить это безуміе. Поэтому онъ рѣшилъ съ одной стороны всячески противодѣйствовать англійскимъ агентамъ, въ особенности же самому опасному и самому ловкому изъ нихъ Джонстону, въ завязываніи сношеній съ Галиціей, съ другой стороны— сдерживать болѣе горячіе и нетерпѣливые польскіе элементы.

Планъ Сапѣги не былъ однако исключительно отрицательнымъ. Хотя и не при помощи Турціи (по край-

ней мѣрѣ непосредственно) и не при посредствѣ Англіи, князь, однако, думалъ использовать событія для измѣненія плачевнаго политическаго положенія Польши, находящейся подъ русскимъ владычествомъ. Цѣлью его было вовлечь Австрію въ англо-русскую политику и только подъ ея прикрытіемъ выступить активно.

Въ интимныхъ совѣщаніяхъ по этому вопросу не было недостатка, но окончательно они не привели ни къ какому результату. И на этотъ разъ Австрія оказалась недоступной для рискованнаго шага. Планъ Сапѣги рухнулъ, но, будучи только условнымъ, исключающимъ самостоятельный порывъ поляковъ къ оружію, не принесъ и не могъ принести странѣ никакого вреда. Въ связи съ этимъ стремленіемъ находится, наконецъ, послѣднее звено плановъ Сапѣги: планъ нападенія семиградскихъ секлеровъ (мадьяръ), отрядъ которыхъ, вооруженный на турецкія, венгерскія и польскія деньги, долженъ былъ броситься на тылъ русской арміи въ самый критическій для нея моментъ. Походъ этотъ долженъ былъ явиться своего рода удовлетвореніемъ для безпокойныхъ польскихъ элементовъ, которые возмущались княземъ за замедленіе по его винѣ диверсіи въ Царствѣ Польскомъ. Замышляя эту экспедицію, князь вполнѣ могъ успокоить угрызенія совѣсти убѣжденіемъ, что секлерскіе юнаки даже въ тысячной долѣ не поплатятся за свое предпріятіе такъ, какъ должна была бы поплатиться за подобный поступокъ Польша.

Выступая на арену политической дѣятельности, Сапѣга стремился прежде всего освободиться отъ львовской конфедераціонной „генералиціи“, которая руководила до этого времени движеніемъ и наложила на него печать своей авантюристской политики. Онъ рѣшилъ не только произвести самыя коренныя перемѣны

въ составѣ руководителей движенія, но видоизмѣнить даже организацію и названіе этого органа. Мѣсто „генералиціи“ долженъ былъ занять народный ржондъ во главѣ съ Сапѣгой, какъ предсѣдателемъ. Избраніе ржонда должно было произойти въ Вѣнѣ, куда именно и былъ призванъ изъ Кельна Голуховскій, направлявшійся въ Лондонъ. Съ этой цѣлью князь постановилъ вызвать въ столицу Австріи самыхъ выдающихся обывателей изъ всѣхъ трехъ областей Польши. Изъ Великой Польши явились въ числѣ прочихъ кс. Стаблевскій, впослѣдствіи архіепископъ познанскій († въ ноябрѣ 1906 г.), Александръ Гуттри, Неголевскій и Кантакъ, изъ Варшавы—два делегата, съ немалымъ трудомъ доставленные членомъ генералиціи Эдмундомъ Ридлемъ, изъ Львова—Тиме, Езіоранскій, Венглёвскій, Големберскій и много другихъ. Одновременно явилось значительное число иностранцевъ, болѣе или менѣе посвященныхъ въ это дѣло: пріѣхалъ Мидхатъ-паша съ Карломъ Бржозовскимъ, изъ англичанъ—Джонстонъ, который принималъ живое участіе въ предвыборной агитаціи, кардиналъ Маннингъ, лордъ Стюартъ Роландъ и Дембигъ; далѣе французскій посолъ, впослѣдствіи президентъ республики Жюль Греви, нѣсколько итальянцевъ и мадьяръ.

Во время этого съѣзда, какъ громъ, грянуло извѣстіе о побѣдѣ турецкаго оружія подъ Плевной. Болѣе ярые сторонники возстанія заволновались, и извѣстное время казалось, что низшія сферы организаціи возьмутся за дѣло, не ожидая даже избранія народнаго ржонда въ Вѣнѣ. Мидхатъ-паша и Джонстонъ всѣми силами стремились вызвать взрывъ. Сапѣга въ это время со всей энергіей развивалъ свою мысль склонить Австрію къ объявленію войны сѣверному сосѣду и вторженію въ Польшу. Въ гостиницѣ „Импе-

ріаль“ происходили безпрестанныя совѣщанія, въ которыхъ участвовали болѣе выдающіеся члены „Польскаго Кола“, какъ посолъ Янко, Гнѣвошъ и другіе, играя одновременно роль посредниковъ между вождями движенія и правительствомъ, въ особенности же графомъ Андраши. Среди этого хаоса приступили наконецъ 27 іюля къ выборамъ. Засѣданіе началось бурнымъ эпизодомъ съ Владиславомъ Плятеромъ, который сразу выразилъ протестъ противъ учрежденія какихъ бы то ни было народныхъ ржондовъ, послѣ чего, провожаемый общимъ крикомъ, онъ покинулъ залъ засѣданій. Затѣмъ голосованіе происходило уже безъ помѣхъ.

Членами народнаго ржонда были избраны: кн. Сапѣга, Ѳаддей Окша-Оржеховскій, бывшій агентъ турецкой тайной заграничной полиціи, человѣкъ въ своемъ родѣ геніальный, но безпримѣрно бурнаго темперамента, Голембергскій, бывшій членъ іюльскаго ржонда 1863 года, одинъ изъ выдающихся львовскихъ публицистовъ и агентъ Андраши по польскому вопросу, Александръ Гуттри изъ Познани и *X.* изъ Варшавы.

Когда наконецъ дѣло дошло до выбора предсѣдателя, то единогласно избранъ былъ имъ кн. Адамъ Сапѣга.

„Генералиція“, которая въ теченіе десяти мѣсяцевъ направляла созданное ею броженіе чувствъ и мыслей, ослабленная бѣгствомъ значительной части конфедератовъ подъ знамя Сапѣги, перестала существовать.

V.

Однако павшій конфедераціонный совѣтъ не считалъ дѣла проиграннымъ: онъ рѣшилъ въ послѣднюю минуту поставить въ безвыходное положеніе вновь возникшій ржондъ (правительство) Сапѣги. Въ то время, когда ржондъ формировался въ Вѣнѣ, часть членовъ совѣта, въ глубинѣ души недовольная успѣхомъ Сапѣги, въ которомъ подозрѣвала замаскированнаго противника возстанія, по всей вѣроятности, не безъ вдохновенія, а можетъ быть и соучастія Кощица, постановила сдѣлать рѣшительный шагъ, и прежде, чѣмъ произошло ея совершенное распаденіе, издала составленное во Львовѣ, хотя съ помѣтой „Варшава", воззваніе, призывавшее къ началу вооруженнаго движенія. Цѣль этого покушенія была очевидна: покидавшій сцену духъ старой генералиціи желалъ такимъ образомъ сдѣлать невозможнымъ для народнаго ржонда поворотъ съ той дороги, на которую въ сентябрѣ 1876 года направилъ событія Кощицъ, заставить ржондъ вести и впредь старую политику подъ угрозой анаѳемы общества, яко бы жаждущаго всей душой вооруженной борьбы. Воззваніе было написано,—интересная черта,—женщиной, одной изъ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей Варшавы, и ссылалось на слова, сказанныя польскимъ пилигримамъ Піемъ IX. Рисуя грандіозные планы и блестящія надежды отбросить Россію за Днѣпръ и Двину и повторить удары меча Болеслава Храбраго на золотыхъ воротахъ Кіевскихъ, воззваніе оканчивалось такимъ обращеніемъ: „Соотечественники! Никогда не было болѣе удобнаго случая для войны: турокъ взываетъ насъ къ общей борьбѣ, а въ легіонѣ надъ Босфоромъ развѣвается Бѣлый Орелъ. Въ

извѣстный день, по данному знаку, во всѣхъ областяхъ Польши, въ одинъ и тотъ же часъ распустимъ знамена конфедераціи польскаго народа, шитыя руками нашихъ женъ. Безграничной жертвой нашей крови и имущества, обнаженной грудью очистимъ весь край и на башнѣ варшавскаго замка водрузимъ королевское знамя свободы. Итакъ, къ оружію, къ оружію! Девизомъ нашимъ да будетъ: „Богъ и отечество!“

Воззваніе это не особенно свидѣтельствовало о логикѣ авторши и подписавшагося подъ ея произведеніемъ, во всей полнотѣ своего офиціальнаго титула, генеральнаго совѣта конфедераціи польскаго народа 1876 г. Въ самомъ важномъ мѣстѣ въ немъ было очевидное противорѣчіе: провозглашая боевой кличъ: „къ оружію“, оно вмѣстѣ съ тѣмъ давало понять, что о моментѣ начала возстанія будетъ объявлено позже. Для практическаго осуществленія этого воззванія учрежденъ былъ военный штабъ, въ составъ котораго вошли вмѣстѣ съ другими генералы Крукъ и Езіоранскій, а также полковники Беднарчикъ и Діонисій Венглёвскій, намѣчено было тактическое дѣленіе будущихъ вооруженныхъ силъ и выработана была инструкція для пользованія ими. Существовалъ и стратегическій планъ или, правильнѣе, самый общій его набросокъ: онъ основывался на взаимодѣйствіи повстанцевъ съ Турціей, которая должна была съ этой цѣлью (неизвѣстно, какимъ образомъ) произвести возлѣ Одессы дессантъ въ 30,000 человѣкъ. Англійскій корсарскій флотъ долженъ былъ переправить на берега Курляндіи легіонъ подъ предводительствомъ Врублевскаго, одновременно же должно было вспыхнуть возстаніе въ Жмуди, Подляшьѣ и въ землѣ Краковской, а также по городамъ.

Однако Сапѣга, создавъ народный ржондъ, вовсе не думалъ развивать фантастическіе планы конфедераціи,

напротивъ, со всей энергіей онъ старался помѣшать имъ во всѣхъ отношеніяхъ; и это можно было исполнить безъ затрудненій, такъ какъ польское общество вовсе не желало возстанія, какъ объ этомъ съ полной увѣренностью говорилъ Кощицъ, и встрѣтило боевое воззваніе умирающаго конфедераціоннаго совѣта глухимъ молчаніемъ. Первой заботой новаго правительства было сдѣлать совершенно безвреднымъ извѣстный намъ уже транспортъ турецкаго оружія, предназначеннаго для конфедератовъ; транспортъ этотъ изъ Виддина въ первыхъ числахъ мая попалъ въ Тріестъ и тамъ ожидалъ благопріятнаго случая быть выгруженнымъ или въ Австріи или на берегахъ Балтійскаго моря.

Судьба этого миѳическаго корабля, настоящаго „летающаго голландца“ польской конфедераціи, не вполнѣ извѣстна. По одной версіи онъ вскорѣ послѣ вступленія Сапѣги въ предсѣдатели народнаго ржонда будто бы отправился въ Александрію, по другой версіи былъ затопленъ въ Тріестѣ, при содѣйствіи Сапѣги. Такъ или иначе, но онъ исчезъ, благодаря новому народному ржонду. Затѣмъ новый ржондъ разослалъ по Галиціи и Царству Польскому приказъ прекратить всѣ попытки къ военной организаціи, основываясь на томъ, что будетъ еще достаточно времени для этого, когда удастся склонить къ войнѣ Австрію; теперь же подобная организація могла бы привести къ самостоятельному возстанію. Вопросъ о привлеченіи Австріи къ враждебнымъ противъ Россіи дѣйствіямъ, который пока скрывался за кулисами, вышелъ на открытую сцену и даже нашелъ себѣ отраженіе въ дебатахъ собравшагося тогда во Львовѣ Краёваго сейма. Идея Сапѣги вызвала живой отзвукъ въ рядахъ бывшей конфедераціи, органы которой, какъ провинціальный совѣтъ, городская делегація и т. п., не были уничтожены новымъ правительствомъ, во-

все не чувствовавшимъ подъ собой твердый почвы; только кое-гдѣ введены были въ составъ ихъ новые люди изъ довѣренныхъ сторонниковъ князя и его политики. Въ то время, когда Сапѣга старался провести свой планъ австрійскаго вмѣшательства осторожно и безъ шума, низшіе слои организаціи, ухватившись за него со всѣмъ жаромъ, желали итти къ этой цѣли при помощи самой открытой агитаціи и посредствомъ натиска на правящія сферы въ Вѣнѣ. На 7-е августа членъ городской делегаціи во Львовѣ Громанъ созвалъ митингъ, который долженъ былъ побудить засѣдавшій въ это время сеймъ подать императору адресъ о необходимости объявленія войны Россіи. Однако митингъ былъ воспрещенъ, а Громанъ привлеченъ къ суду и приговоренъ къ восьмидневному аресту.

Сеймъ послѣ нѣсколькихъ дней дебатовъ принялъ адресъ, составленный въ общихъ выраженіяхъ; въ немъ было сказано, что Галиція готова итти на зовъ своего государя „въ моментъ, когда онъ призоветъ свои вѣрные народы для активной защиты интересовъ монархіи противъ угрожающихъ ей притязаній". Князь, озабоченный осуществленіемъ своихъ плановъ, въ то же время долженъ былъ сдерживать нетерпѣливость подчиненныхъ ему массъ, склонныхъ къ манифестаціямъ и вспышкамъ, и преодолѣвать тайныя интриги враждебныхъ ему членовъ организаціи, прежнихъ сотрудниковъ и друзей Кощица. Эти послѣдніе не дремали и постоянно противодѣйствовали Сапѣгѣ. Прежде всего къ ихъ числу принадлежали заграничные уполномоченные, которыхъ новый ржондъ, опасаясь вообще, какъ мы уже знаемъ, проведенія существенныхъ перемѣнъ въ организаціи, попрежнему оставилъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ. Самый дѣятельный изъ нихъ, Кульчицкій, предлагалъ изъ Рима, по соглашенію съ Джон-

стономъ, попросту „государственный переворотъ“ и низверженіе народнаго ржонда. Въ письмѣ, адресованномъ въ Львовъ, онъ въ горькихъ выраженіяхъ упрекалъ старую генералицію, что она распалась, уступая требованіямъ иностранныхъ державъ, чтобы во главѣ движенія стало какое-нибудь авторитетное лицо. Если въ Лондонѣ, Стамбулѣ и Пештѣ колебались входить въ сношенія съ генералиціей, то слѣдовало начать дѣйствовать, т. е. стремиться къ возстанію безъ чужой помощи, такъ какъ „общество было учреждено не въ угоду иностранцамъ, а для спасенія родного края“. Но зло уже совершилось. Теперь оставалось его только исправить, насколько это возможно. Кульчицкій совѣтовалъ оказать давленіе на Сапѣгу и его сторонниковъ, „думающихъ исключительно о роли полиціймейстеровъ среди своихъ“, чтобы они открыто заявили, къ чему они стремятся. Если не къ возстанію, тогда слѣдуетъ собраться „признать ихъ поголовное низложеніе“, послѣ чего „послать каждому нѣсколько словъ съ печатью Бѣлаго Орла, чтобы никто впредь не смѣлъ ничего предпринимать, пока не получитъ приказа“.

Сапѣга зналъ объ этихъ проискахъ, а такъ какъ и въ рядахъ конфедераціи по мѣрѣ того, какъ расчеты на вмѣшательство Австріи начинали казаться обманчивыми, все громче обвиняли его въ бездѣятельности и въ безполезной тратѣ времени, то онъ рѣшилъ для успокоенія взволнованнаго общественнаго мнѣнія ускорить задуманную уже 6 іюля экспедицію секлеровъ, чтобы угрожать тылу почти 400,000 русской арміи за Дунаемъ. Мысль объ этомъ походѣ явилась будто бы въ головѣ Карла Бржозовскаго, а затѣмъ была развита въ подробностяхъ Мидхатъ-пашой, который главнымъ образомъ съ этой цѣлью пребывалъ въ Вѣнѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время выборовъ народнаго ржонда.

Сапѣга заимствовалъ у нихъ этотъ проектъ и присоединилъ его къ своимъ планамъ. Проектъ этотъ заключался главнымъ образомъ въ томъ, чтобы въ тылу русскихъ, въ Румыніи, испортить желѣзныя дороги и взорвать мосты. Наконецъ, князь, какъ кажется, больше для вида, вслѣдствіе волненія въ рядахъ конфедератовъ, нежели съ цѣлью дѣйствительной диверсіи, способной задержать вспомогательныя русскія войска дома, рѣшился устроить вооруженную демонстрацію на границѣ Царства Польскаго, а можетъ быть даже только показать, что онъ желаетъ ее устроить. Это послѣднее предположеніе повидимому подтверждается не только медленнымъ ходомъ приготовленій къ этому акту, но и по истинѣ опереточнымъ окончаніемъ его, такъ какъ накладную на оружіе, присланное изъ Лондона, агенты народнаго ржонда, впослѣдствіи проф. университета Шаховскій и подполковникъ Пини, неосторожно вручили экспедитору-еврею, а тотъ поторопился снести ее въ полицію, которая въ Щаковѣ арестовала весь транспортъ. Въ накладной показаны были резиновые плащи, на самомъ же дѣлѣ въ посылкѣ заключалось около 200 ружей, при помощи которыхъ самое большое можно было устроить охоту, но никакъ не военную демонстрацію или диверсію.

Все это было не вполнѣ корректно, но обстоятельства оправдывали необходимость прибѣгать къ такимъ неблаговиднымъ средствамъ.

Болѣе серьезно взялись за семиградскую экспедицію, въ планѣ которой могла быть и можетъ быть таилась на днѣ надежда вовлечь Австрію въ столкновеніе съ Россіей. Здѣсь изъ знаменитыхъ своею отвагой секлеровъ (этихъ предполагаемыхъ потомковъ гунновъ), которые въ 1848 году составляли лучшіе отряды ген. Бема, первоначально рѣшено было организовать

шеститысячный корпусъ добровольцевъ, уменьшенный затѣмъ до 2,000 (1,700 человѣкъ пѣхоты и 300 человѣкъ конницы). Къ участію привлечены были нѣсколько выдающихся семиградскихъ помѣщиковъ. Начальство долженъ былъ принять пребывавшій тогда въ Берлинѣ генералъ Клапка, который уже закупилъ для своей будущей небольшой арміи 2,000 только-что забракованныхъ ружей и собирался вести ее изъ Семиградіи въ Румынію черезъ горный проходъ Soos.

Все это дѣлалось на деньги, собранныя представителями 4 народностей: небольшой суммой снабдила формировавшійся походъ истощенная въ финансовомъ отношеніи Турція, около 50,000 гульд. собрали мадьяры, около 50,000 прислалъ отъ англичанъ Джонстонъ, а 100,000 г. далъ изъ собственныхъ средствъ Сапѣга.

Приготовленія, начатыя въ первыхъ числахъ августа, всецѣло поглотили на извѣстное время вниманіе галицкой организаціи; неожиданное извѣстіе о побѣдѣ Османа-паши, который 13 сентября отнялъ у русскихъ два редута подъ Гривицей, гдѣ пало 4,000 человѣкъ, произвело во Львовѣ новое броженіе умовъ и способствовало сильнѣйшему упроченію партіи, стремившейся къ возстанію. Въ львовскихъ кофейняхъ и клубахъ стоялъ немолчный говоръ.

Собирались устроить иллюминацію, но этому воспротивились органы народнаго ржонда. Нервное напряженіе возросло до крайнихъ предѣловъ. Теперь тѣмъ болѣе слѣдовало торопиться съ семиградской авантюрой, которая могла дать какой-нибудь исходъ накопившемуся возбужденію. Въ Пештѣ находились высланные народнымъ ржондомъ Окша-Оржеховскій и Либератъ Заіончковскій, которые должны были наблюдать за походомъ.

Оржеховскому пришла въ голову мысль привлечь къ предпріятію правящія венгерскія сферы; дѣйствуя на собственный рискъ, онъ отправился къ лично ему знакомому Тиссѣ.

Этотъ шагъ рѣшилъ судьбу всего предпріятія. Тисса съ извѣстіемъ о приготовляющемся походѣ немедленно поспѣшилъ въ Вѣну, къ Андраши, а послѣдній приказалъ по телеграфу конфисковать приготовленное на румынской границѣ оружіе и арестовать главныхъ дѣятелей. Это случилось въ моментъ, когда выведенные изъ терпѣнія откладываніемъ демонстраціи секлеры хотѣли уже сами вторгнуться въ Валахію. Были арестованы нѣкоторые знатнѣйшіе секлеры, которые впрочемъ скоро и безъ всякихъ для нихъ дурныхъ послѣдствій очутились на свободѣ; конфисковано было 1,500 ружей и около милліона патроновъ; поднялся нѣкоторый шумъ въ пештской и вѣнской печати, — тѣмъ и кончился злополучный семиградскій походъ.

Не съ лучшимъ результатомъ, но съ болѣе трагической развязкой, незадолго до описанныхъ выше событій, разыгрался послѣдній актъ другого вооруженнаго предпріятія, которое точно такъ же должно было оказать вліяніе на ходъ событій, а именно вооруженнаго участія польскихъ легіоновъ въ Турціи. Этихъ легіоновъ было два: европейскій и азіатскій. Силы эти были совсѣмъ миніатюрныя. Первый легіонъ состоялъ изъ 60 человѣкъ пѣхоты и 40 кавалеристовъ безъ лошадей, второй изъ 45 человѣкъ пѣхоты!

Воззваніе комитета польской эмиграціи отъ 5 мая, приглашавшее поступать въ ряды этихъ легіоновъ, не привело ни къ какимъ результатамъ, и уже по этому одному факту можно было судить, какъ мало популярной была въ обществѣ мысль еще разъ рѣшить польскій вопросъ силою оружія. Европейскимъ легіономъ

командовалъ извѣстный среди эмигрантовъ маіоръ Іосифъ Ягминъ, азіатскимъ—урожинецъ Подоліи Мерчинскій, эмигрантъ 1863 года, инженеръ турецкой службы. Оба миніатюрныхъ легіона находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Еще за десять лѣтъ до этого, когда командованіе ими находилось въ рукахъ Садыка-паши, ихъ прекраснымъ видомъ восхищался принцъ Людовикъ Наполеонъ, связавшій съ ними свои смѣлыя мечтанія о варшавской коронѣ. Теперь же они представляли только послѣдній живой слѣдъ большихъ замысловъ Садыка. Эта горсточка въ 145 человѣкъ, которая вскорѣ должна была показать себя горсточкой героевъ, достойныхъ лавровъ Сомо-Сіерры, и въ послѣдній разъ блеснуть въ исторіи славой прежняго польскаго мужества, играла въ турецкой арміи роль настоящей золушки. Какъ вооруженіе, такъ и обмундировка легіонеровъ оставляли желать очень многаго. Въ Стамбулѣ существовали цѣлыхъ 2 комитета, которые должны были заботиться о легіонахъ, но вся ихъ дѣятельность заключалась во взаимныхъ ссорахъ. Народный ржондъ, желая съ своей стороны прійти на помощь легіонамъ, отправилъ въ Константинополь въ качествѣ военнаго агента полковника Венглёвскаго и назначилъ посломъ Звержховскаго (Искендеръ-бея), на котораго были возложены заботы о легіонахъ. Горсточка ветерановъ двинулась между тѣмъ на боевыя позиціи. 23 августа она очутилась въ огнѣ. Въ ужасной битвѣ подъ Кизиларомъ, когда турецкіе ряды нѣсколько разъ напрасно пытались вытѣснить русскихъ изъ важнѣйшей позиціи, Ягминъ, командовавшій европейскимъ легіономъ, вызвался вести свой отрядъ на непріятеля. Легіонъ, распустивъ свое знамя съ Бѣлымъ Орломъ, съ крикомъ: „Да здравствуетъ Польша“, какъ буря, понесся въ штыки на непріятельскую позицію и занялъ

ее однимъ быстрымъ натискомъ. Но въ этотъ моментъ въ самую середину ея упала русская граната, произведшая опустошеніе въ рядахъ горсточки героевъ. Погибъ храбрый Рагоза, которому ядромъ оторвало обѣ ноги; смертельно раненый Ягминъ вскорѣ умеръ въ Шумлѣ. Спустя немного времени и остальная горсточка усѣяла своими костями чуждое имъ поле сраженія, а Бѣлый Орелъ навсегда исчезъ изъ боевыхъ рядовъ.

VI.

Шелъ уже октябрь 1877 года. Вѣсы кровопролитной борьбы подъ Плевной, вначалѣ столь благопріятной для турецкаго оружія, склонились на сторону русскихъ. Приближалась капитуляція геройской крѣпости. Уже три мѣсяца во главѣ тайнаго народнаго ржонда стоялъ Сапѣга, который взялъ на себя бремя отвѣтственности за судьбы отечества въ эпоху, полную броженія и обильную всякими опасностями. Не удалась князю большая, но трудная игра—вовлечь Австрію въ войну съ государствомъ, обладающимъ тремя четвертями владѣній бывшей Польши; зато искусной и рѣшительной политикой ему удалось подавить вспышки возстанія въ нѣдрахъ польскаго общества, которыя не могли имѣть никакихъ шансовъ на успѣхъ. Вооруженная диверсія въ Польшѣ не состоялась; равнымъ образомъ нападеніе секлеровъ, которое могло бы самое большое сдѣлаться небольшимъ эпизодомъ великой войны, не привело ни къ какимъ результатамъ. Приближался моментъ, когда князь долженъ былъ получить награду изъ рукъ соотечественниковъ.

При извѣстіи о семиградскихъ событіяхъ поднялось волненіе среди конфедератовъ во Львовѣ. Сторонники

возстанія проявили страстную агитацію противъ предсѣдателя народнаго ржонда, стремясь въ то же время снова взять власть въ свои руки. Собрались уже продолжительное время бездѣйствовавшая городская делегація и провинціальный совѣтъ. Совѣщались долго и шумно, наконецъ изъ хаоса противорѣчивыхъ мнѣній вышелъ проектъ воскрешенія погребенной въ іюлѣ мѣсяцѣ генералиціи при одновременномъ сохраненіи народнаго ржонда. Объ этомъ нелѣпомъ постановленіи провинціальный совѣтъ увѣдомилъ членовъ конфедераціи воззваніемъ отъ 24 октября, одновременно заявляя, что названная въ общихъ выраженіяхъ „верховная власть" снова возымѣла мысль о возстаніи и всѣми силами будетъ стремиться вызвать его весною 1878 г. Теперь начался полный разладъ и хаосъ среди противниковъ Сапѣги. Въ Константинополѣ нѣкто Ст.-Рощтэнъ, эмигрантъ 1863 г., предсѣдатель „комитета польскаго общества на Востокѣ", выразилъ протестъ противъ политики народнаго ржонда и самъ провозгласилъ себя властью, и при этомъ властью особаго рода, признавшей себя выше уполномоченнаго конфедераціи въ Римѣ Кульчицкаго. Въ Львовъ пріѣхалъ Гуттри съ цѣлью спасать достоинство и положеніе ржонда. Но напрасно. Во время этого броженія въ лагерѣ конфедератовъ, 10 декабря пала Плевна. Теперь со всей неумолимостью поднялось противъ политики народнаго ржонда кое-какъ сдерживавшееся негодованіе. Въ половинѣ декабря выборная комиссія, принимавшая участіе въ выборахъ членовъ народнаго ржонда въ Вѣнѣ, прислала князю и Окшѣ-Оржеховскому приглашеніе явиться на судъ, который долженъ былъ совершиться надъ ними 23 декабря въ Болоньѣ. Обвиняемые явились въ назначенный срокъ. Судьями были: Корнелій Уейскій, Артуръ Голуховскій, Л. Врублевскій и Болеславъ Свенторжецкій; въ роли

свидѣтелей выступили: Гуттри и Големберскій, два члена ржонда, которымъ не предъявлено было обвиненіе. Допрошенный Сапѣга прямо заявилъ, что возстаніе въ Польшѣ при проблематической помощи горсточки англичанъ и турокъ, предоставленное силамъ самого народа, онъ считалъ безуміемъ, актомъ самоубійства, и потому поставилъ себѣ задачей всѣми силами стремиться къ предотвращенію катастрофы отъ истерзаннаго отечества. Цѣль эта достигнута, и князь чувствуетъ себя спокойнымъ передъ своей совѣстью. Затѣмъ была прочитана письменная декларація Големберскаго противъ народнаго ржонда, или, правильнѣе, противъ Сапѣги, ибо и самъ Големберскій входилъ въ составъ ржонда. Декларація ставила ему въ вину, что „въ проектахъ и обѣщаніяхъ, касавшихся народныхъ дѣйствій въ эти критическія минуты, власть эта обнаружила сильное колебаніе, неумѣлость или нежеланіе исполнять условія“, и что, „посредственно или непосредственно, она содѣйствовала пораженію и парализованію народныхъ усилій“. Судъ призналъ Сапѣгу виновнымъ въ государственной измѣнѣ и объявилъ приговоръ, лишающій его чести и довѣрія. Съ этимъ выраженіемъ благодарности онъ вернулся на родину, гдѣ уже ожидалъ его новый заочный приговоръ другого тайнаго трибунала, осудившій его на смерть черезъ повѣшеніе. Тотчасъ по провозглашеніи Сапѣгѣ анаѳемы въ Болоньѣ, избирательная комиссія объявила народный ржондъ распущеннымъ и разъѣхалась. Это послужило сигналомъ для образованія новыхъ ржондовъ. Уже 25 декабря образовался въ Вѣнѣ новый народный ржондъ, въ составъ котораго вошли возвращавшіеся изъ Болоньи Гуттри, Големберскій и Окша, вмѣстѣ съ Вл. Плятеромъ и Гиллеромъ, ржондъ, поражающій своимъ составомъ, такъ какъ въ него вошли

повидимому временно примирившіеся: обвинитель Големберскій и обвиненный Окша. Власть эта признала своимъ юридическимъ мѣстомъ жительства Варшаву и пока лишь замышляла пріобрѣсти себѣ сторонниковъ, являясь въ такомъ видѣ какъ бы штабомъ безъ арміи. Кромѣ того, возникъ другой народный ржондъ, образовавшійся въ Львовѣ 10 января 1878 года подъ названіемъ: „Народный ржондъ конфедераціи польскаго народа 1876 г.“. Это было время, когда побѣжденная Турція просила мира, а русскія войска въ побѣдоносномъ шествіи приближались къ Стамбулу. Казалось бы, что при такихъ обстоятельствахъ должны были разсѣяться послѣднія несбыточныя мечты тѣхъ, которые хотѣли пристегнуть судьбы польскаго народа къ военной колесницѣ Турціи. Нашлась, однако, горсточка немногочисленныхъ приверженцевъ конфедераціонной „генералиціи“ и, провозгласивъ себя народнымъ ржондомъ, рѣшила унаслѣдовать ея стремленія. Правду сказать, это были уже элементы совершенно не отвѣтственные. Никто изъ болѣе выдающихся членовъ прежней городской делегаціи и провинціальнаго галицкаго совѣта не пожелалъ принять участіе въ этой работѣ. Новый народный ржондъ составляли: Робертъ Тиме—предсѣдатель, Эдмундъ Ридль, Мощанскій, Кульвецъ и опять Артуръ Голуховскій, постоянно оппонировавшій противъ проекта возстанія. Дѣйствительной же, хотя и отдаленной пружиною новаго правительства былъ находившійся въ Римѣ Кульчицкій, который взялся за дѣло очень серьезно и даже доставилъ средства для дальнѣйшихъ дѣйствій, обѣщая и впредь свою денежную помощь. Новое правительство возвѣстило о своемъ образованіи удивительно безцвѣтнымъ воззваніемъ, выпущеннымъ того же 10 января. Объявивъ, что прежнее народное правительство не стояло на высотѣ взятыхъ на себя обя-

зательствъ, вслѣдствіе чего оно было распущено, „оставляя страну безъ всякаго руководительства въ моментъ столь серьезныхъ осложненій на Востокѣ“, воззваніе отмѣчало, что руководительство дѣлами снова берутъ въ свои руки члены конфедераціи, т. е. тѣ же самые люди, которые принимали активное участіе при зарожденіи движенія, и наконецъ выражало надежду, что подъ знаменемъ конфедераціи соберутся для освобожденія отечества всѣ истинные его сыны. Другой программы, кромѣ этой, намѣченной въ общихъ чертахъ, кажется, совершенно не было у новаго правительства. На его долю выпало сыграть только мимолетную роль въ приближавшихся событіяхъ и окончательно завершить происшествія тѣхъ двухъ лѣтъ, когда изъ наболѣвшей души народа еще разъ вырвался отчаянный крикъ тоски по утраченной свободѣ. Эпилогъ этихъ событій разыгрался уже собственно не въ Польшѣ, но тамъ, откуда вышли слабыя надежды дѣятелей 1877 г.,— на Востокѣ.

Два польскіе эмигранта въ Константинополѣ, извѣстные намъ уже Роштэнъ, предсѣдатель „комитета польскаго общества“, и капитанъ Ст. Боверъ де Ст.-Клеръ, принадлежавшіе оба къ тамошнему отдѣлу конфедераціи, ранней весною 1878 года обратились къ извѣстному тогда вождю „молодой Турціи“ Али-Суави и представили ему подробно выработанный планъ великаго народнаго возстанія въ тылу русской арміи, которое было бы еще въ состояніи поправить положеніе разгромленной Турціи. Возстаніе по плану Роштэна и Ст.-Клера, должно было возникнуть въ Родопскихъ горахъ, въ странѣ такъ называемыхъ помаковъ, болгаръ-магометанъ, въ которыхъ богатая польская фантазія усмотрѣла потомковъ давнихъ поляковъ-плѣнниковъ; затѣмъ оно должно было захватить дальнѣй-

шія области и племена и разгорѣться въ великую народную войну. Вмѣстѣ съ тѣмъ оба эмигранта предлагали вызвать вооруженное движеніе въ Царствѣ Польскомъ. Али Суави, имѣвшій сношенія съ оффиціальными турецкими сферами, одобрилъ этотъ планъ и началъ агитацію съ цѣлью исполненія его среди турецкихъ патріотовъ. Обратились также къ представителямъ иностранныхъ государствъ съ просьбой о поддержкѣ, но обращеніе осталось безъ результата. Англійскій посолъ Лейярдъ, представитель государства, которое яко бы должно было взять на себя дѣло освобожденія Польши, отказалъ наотрѣзъ, несмотря на то, что турецкій вопросъ представлялся кое-чѣмъ болѣе реальнымъ, нежели вопросъ народа, не располагающаго для своей защиты ни единымъ солдатомъ. Такъ же точно поступилъ и французскій посолъ. Тогда въ роли опекуна готовившагося движенія выступилъ поддерживаемый Кульчицкимъ львовскій ржондъ конфедераціи польскаго народа, конвульсивно хватаясь за послѣднюю возможность связать турецкій вопросъ съ польскимъ и въ то же время довести дѣло въ Царствѣ Польскомъ до вооруженнаго возстанія.

Во второй половинѣ марта выѣхалъ въ Лондонъ Тиме съ миссіей добиться у лорда Биконсфильда денежной субсидіи для приготовлявшагося возстанія въ Польшѣ и на Востокѣ. Миссія не принесла никакихъ результатовъ. Англійскій лордъ-премьеръ остался глухимъ ко всѣмъ доводамъ взаимной выгоды. Тогда рѣшили отправить самого Ст.-Клера, какъ автора этого плана и организатора предпріятія, въ надеждѣ, что его краснорѣчію удастся смягчить упрямаго министра. Однако было уже поздно. Уже 27 марта нетерпѣливый Ст.-Клеръ находился въ Родопскихъ горахъ, гдѣ принялъ начальство надъ отрядомъ плохо вооруженныхъ,

но храбрыхъ повстанцевъ и началъ партизанскую борьбу. Пять мѣсяцевъ продолжалась кампанія, руководимая полякомъ, который сумѣлъ покрыть себя во время борьбы истинной военной славой. Мѣсяцъ іюнь былъ верхомъ его успѣховъ. Получивъ подкрѣпленія, Ст.-Клеръ въ многочисленныхъ мелкихъ стычкахъ разбилъ 4 русскихъ баталіона, взялъ нѣсколько пушекъ и аммуницію и занялъ цѣлыя области, занятыя русскими войсками. Родопское возстаніе, поддержанное теперь англичанами, поставило побѣдоносную русскую армію въ немалое затрудненіе. Тогда герой - партизанъ сталъ мечтать о томъ, чтобы повести свои храбрые отряды балканскихъ горцевъ черезъ Дунай въ Польшу и на родной землѣ поднять войну за свободу.

Это была фантазія, подобная цѣлому ряду прежнихъ, и какъ и прежнія, она должна была скоро разсѣяться. Уже догорали остатки громаднаго пожарища, кое-гдѣ выбрасывавшаго еще снопы искръ, а на пепелищѣ оставался только сѣдой пепелъ безнадежной гибели надеждъ, расчетовъ и плановъ. Подъ толстымъ слоемъ его истлѣли и обманчивыя надежды польскихъ политическихъ романтиковъ, къ счастью не нанесши новыхъ ударовъ странѣ, пережившей много тяжкихъ испытаній.

На обсужденіе Берлинскаго конгресса поступили три польскихъ меморіала. Первый, написанный Кульчицкимъ, исходилъ отъ ржонда конфедераціи польскаго народа и посланъ былъ на руки лорда Биконсфильда по предварительному съ нимъ соглашенію; второй меморіалъ, снабженный нѣсколькими тысячами подписей, отправила городская делегація конфедераціи во Львовѣ; третій былъ посланъ народнымъ ржондомъ Гуттри вмѣстѣ съ Вл. Плятеромъ, какъ представителемъ эмиграціи. Содержаніемъ всѣхъ меморіаловъ былъ не столько

польскій вопросъ, для котораго уже не надѣялись ничего добиться, сколько опредѣленіе отношенія оффиціальной Россіи къ балканскимъ славянамъ и указаніе на опасность панславизма.

Это были послѣднія, какъ бы дополнительныя уже, попытки усилій, которыя дѣлались съ сентября 1876 г. подъ лозунгомъ использованія русско-турецкаго конфликта. Усилія эти заранѣе осуждены были на погибель, но обстоятельства складывались такъ, что изъ нагромоздившихся тучъ легко могъ ударить громъ и поразить въ грудь Польшу. Неосмотрительность создателей движенія, безгранично легкомысленное довѣріе къ магической силѣ девизовъ были такъ же велики, какъ ихъ несомнѣнный, но руководившійся ошибочными средствами, патріотизмъ.



Цѣна 30 к.

